

Марк Леви

Другое счастье

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

SANTA FE
57 MILES

Издательство «Иностранка»

Марк Леви

Другое счастье

«Азбука-Аттикус»

2014

Леви М.

Другое счастье / М. Леви — «Азбука-Аттикус», 2014

Агата бежит из тюрьмы и пускается в опасную гонку за свободой и счастьем. Ее невольной спутницей становится Милли, и в один миг размеренная, упорядоченная жизнь девушки летит под откос. Долгий и опасный путь через всю Америку приводит их к разгадке давней тайны, разрушившей жизнь Агаты. А Милли узнает, что встреча со странной незнакомкой не была случайностью...

© Леви М., 2014

© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

1	7
2	15
3	26
4	30
5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Марк Леви

Другое счастье

Marc Levy
Une autre idée du bonheur

© Editions Robert Laffont / Susanna Lea Associates, 2014
© Фото автора на обложке, Denis Le2cuyer & Marc Hansel
© А. Кабалкин, перевод на русский язык, 2014
© ООО «Издательская Группа Азбука-Аттикус», 2014
Издательство Иностранка®

* * *

Посвящается Полине, Луи и Жоржу

*Нет случая,
Есть только встречи.
Поль Элюар*

Он держал в руках ее дневник, жадно вчитываясь в слова, начертанные на бумаге, пытаясь узнать себя в том или ином персонаже, уловить отголоски их разговоров в кафе в Гринвич-Виллидж, вспомнить какой-то эпизод, украв его у времени. Переворачивая страницы, он слышал биение ее сердца, задыхаясь от любви, память о которой замело, как следы на снегу.

Опускался вечер, а он все читал, сидя за столом в своей единственной комнате, забыв об ужине, забыв о том, что приближается ночь. Ничего лишнего у него не было, зато имелось все необходимое для жизни. Когда сквозь жалюзи стал просачиваться рассвет, он закрыл рукопись и, положив руки на колени, глубоко вдохнул, чтобы сдержать слезы.

Она рассказывала о своей жизни, ни разу не назвав его имени, не намекая на ту роль, которую он сыграл, на выбор, сделанный им ради нее. Он гадал, безразличие это или горечь, пережившая время.

Он подошел к раковине, посмотрел на себя в потрескавшееся зеркало, косо висевшее на гвозде, и не узнал в нем человека, которого искал на страницах дневника. Возможно, потому Ханна и стерла его из своего прошлого. Странная вещь воспоминания, сказал он себе, умывая лицо ледяной водой. Некоторые питаются ими, как будто от них зависит жизнь, как будто они спасают их от смерти; а другие избавляются от них, чтобы оставшееся им время было светлее.

Он приготовил себе завтрак: кофе, яичница с кусочком сала в чугунном ковшике на плитке. Ей следовало бы хотя бы намекнуть, дать хоть подобие ответа на вопрос, возникший после ее смерти, подсказать, где искать. А если нет, то лучше бы сожгла эти странички или унесла их с собой!

Он опустил тарелку в раковину и снова уселся за стол.

– Господи, Ханна, нельзя же до такой степени отвергать истину! – пробормотал он и стал яростно тереть щеки, чтобы не заснуть.

Потом, глянув на часы на стене, поднялся и открыл шкаф: пора было собирать вещи. Он взял три рубашки, нижнее белье, шерстяную куртку и пуловер. Положил в карман пальто конверт со всеми своими сбережениями, снял с вешалки шляпу и плащ, убедился, что револьвер поставлен на предохранитель, и спрятал его на дно сумки. Потом опустился на колени, загасил угли в плите, проверил шпингалеты на окнах, погасил свет и открыл входную дверь.

Утреннее солнце стояло низко – еще только кончалась зима. Дорога вилась в направлении шоссе. Ему предстояло дойти по ней до перекрестка, а оттуда преодолеть еще шесть миль до холма с распятием, где была автобусная остановка. Надо было торопиться, сильный встречный ветер замедлял шаг. Но он был признателен ветру: так его не учуют волки. Хотя было бы даже неплохо, если бы звери увязались за ним: он бы с наслаждением разрядил в них всю обойму. Сразу за этой мыслью последовали угрызения совести: нашел на ком сорвать злость! С волками у него был заключен пакт о ненападении. Когда он отправлялся на охоту, они следовали за ним на почтительном расстоянии. Если ему выпадало подстрелить добычу, они ждали, пока он ее разделает, а потом лакомились мясом, которое он им оставлял на костях. Когда он заготавливал дрова, она наблюдали за ним с холма, пока он не давал им понять кивком головы, что возвращается домой и что его оружие заряжено. Волки как будто уяснили правила, ни один ни разу не приблизился к Томасу Брэдли, так что ему не пришлось по ним стрелять.

До остановки он добрался уже к полудню. Его домик давно скрылся за горизонтом. Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась плоская равнина.

Вот и автобус. Было еще слишком далеко, чтобы можно было расслышать мотор, но столб пыли из-под колес служил верным признаком его приближения. Эта вылазка могла стать самой серьезной ошибкой Тома за последние тридцать лет. Как не думать об этом, рискуя столкнуться с воспоминаниями, сопровождавшие его жизнь, с реальностью, грозившей поставить на ней крест?

Том поднял руку, давая водителю сигнал остановиться. Когда двери автобуса открылись, он улыбнулся. Это была насмешка над самим собой, запоздалое признание того, что все эти годы он скрывал под маской бесстрашия свою уязвимость перед женщиной.

– Зато какая женщина! – сказал он водителю, отсчитывавшему ему сдачу.

Двадцать долларов за первый этап прекраснейшего из путешествий, о котором он столько мечтал. Он дойдет до самого конца, единственное, что могло бы ему помешать, – это смерть в пути. Но пока он сможет дышать, он будет ее искать.

Том Брэдли давно предвкушал этот момент. Если бы он был честен с собой, то признал бы, что всячески его приближал. И когда накануне молоденький полицейский – сколько он обучил таких за свою профессиональную карьеру! – постучался в его дверь и вручил конверт с рукописью и записку от его друга судьи Клейтона, он вынужден был напомнить себе, что эта жизнь, от которой он постепенно отдалялся, еще не свела с ним счеты.

Занимая место в хвосте автобуса, Том Брэдли прищурил глаза и не удержался от смеха. Это был не конец, наоборот, начало большого приключения.

1

Встретив Милли, можно было бы подумать, что она живет в стиле «рок-н-ролл». Это первое впечатление возникало из-за ее сходства с молодой Патти Смит¹, но оно было обманчиво. В жизни Милли не имела ничего общего с рок-н-роллом. Оставаясь одна – а это случалось часто, – она без конца слушала классическую музыку, потому что с ее одиночеством могли сладить только Бах, Григ и Гленн Гульд.

* * *

Милли Гринберг уехала из Санта-Фе, получив стипендию в Университете Филадельфии. Две тысячи двести миль и шесть штатов отделяли ее родной город от того места, где она жила теперь, – расстояние между ее юношеской и взрослой жизнью. И все же лекции по праву в Пенсильвании были для Милли так же скучны, как ее детство в Нью-Мексико. Продолжить учебу ее заставили три причины: жизнь, которую можно было вести в кампусе, появившийся у нее настоящий друг и то, что ее, несмотря на нелегкий характер, ценили преподаватели. Милли держалась в стороне от стаяк девиц, которые с утра до вечера только и делали, что кокетничали, постоянно подкрашивались в перерывах между занятиями и следили по новостям только за жизнью модных идиолов, интересуясь их похождениями и неприятностями больше, чем судьбами мира. Она не встречалась с парнями, растрачивавшими на спортплощадках избыток тестостерона и слишком накачанными: они щеголяли в шлемах, и щеки у них вечно были разрисованы цветами университетской команды по американскому футболу. Милли была незаметной и усердной студенткой: учитывая тот факт, что юриспруденция навевала на нее смертную тоску, это говорило о ее решимости чего-то добиться в жизни. Чего именно, она понятия не имела, просто знала, что ее ждет необычная судьба, которая рано или поздно раскроет ей свою загадку.

После второго курса университет отказался продлить ей стипендию, предложив взамен сделку, которую миссис Берлингтон назвала «взаимными услугами»: Милли должна была подрабатывать помощницей-стажеркой в юридическом отделе (состоявшем из одной миссис Берлингтон), получая за свои труды пять долларов в час, медицинскую страховку и служебную жилплощадь. Милли согласилась не раздумывая: не потому, что ее заинтересовала работа, тем более не из-за зарплаты, а из-за возможности не расставаться с кампусом. Слишком она к нему привыкла.

Каждый день Милли завтракала в «Таттлмен Кафе», в 8.53 пересекала большую лужайку, в 8.55 проходила мимо библиотеки Гутмана и входила в административный корпус, где в 8.57 начинался ее рабочий день. В 11.50 она заказывала по Интернету сэндвич с пастромой для миссис Берлингтон. В 12.10 пересекала лужайку в противоположном направлении, забирала в кафе «Камбар Кампус Сентр» сэндвич миссис Берлингтон и весенний салат для себя – это позволяло еще раз пройтись перед библиотекой. Перекусив вместе со своей начальницей, она в 12.30 возвращалась на рабочее место. В 15.55 убирала в ящик письменного стола свой блокнот, куда записывала распоряжения миссис Берлингтон, сверху укладывала фотографию в серебристой рамке своей улыбающейся бабушки, запирала ящик на ключ и в 16.00 уходила.

Последняя за день прогулка через кампус, в этот раз в сторону стоянки, а там Милли забирала единственное свидетельство того, что она не совсем обычная скучная служащая, –

¹ Смит Патти (р. 1946) – американская певица и поэтесса, «крестная мать» панк-рока. (Прим. перев.)

«олдсмобиль» 1950 года с откидным верхом. Раньше машина принадлежала ее бабушке, но за несколько лет до своего отъезда из Санта-Фе Милли получила ее в подарок. Теперь за эту машину, с которой она сдувала пылинки, словно настоящий коллекционер, ей дали бы не меньше восьмидесяти тысяч долларов. Кабриолет, сошедший с конвейера за тридцать лет до ее появления на свет, служил для нее страховкой на тот случай, если произойдет нечто непредвиденное и очень серьезное, возможно даже угрожающее жизни. Жизни, которая ее, только что отпраздновавшую тридцать первый день рождения, вполне устраивала.

В 16.06 Милли садилась за руль, включала радиоприемник, распускала волосы, поворачивала ключ зажигания и радостно прислушалась к восьмицилиндровому двигателю, добавлявшему басов к фуге Баха, симфонии Мендельсона или еще какому-нибудь классическому музыкальному произведению.

С этого момента в Милли появлялось что-то от звезды рок-н-ролла. С развевающимися на ветру волосами – в любую погоду, лишь бы не было дождя – она ехала на станцию обслуживания «7-Eleven», где выпивала кока-колу за два доллара семьдесят центов, а жажду автомобиля утоляла двумя галлонами бензина, выкладывая за них семь долларов тридцать центов. Каждый вечер, наблюдая за мельканием цифр на шкале колонки, она вычисляла, сколько минут потратила на печатание надиктованной миссис Берлингтон ерунды. Здесь она тратила за пять минут десять долларов, там набирала за утро тридцать тысяч знаков. Остальной ее заработок уходил на ужин (так как сэндвич для миссис Берлингтон оплачивался юридическим бюро, Милли быстро сговорила с работником кафе «Камбар», что в стоимость сэндвича с пастромой включалась и цена ее весеннего салатика), кое-какую одежду, пополнение коллекции дисков, кино по субботам и, главное, на уход за ненаглядным «олдсмобилем».

Работника кафе «Камбар» звали Джо Малоне. Наградил же Бог имечком! Полное его имя было Джонатан, но на безупречный музыкальный слух Милли «Джонатан Малоне» звучало хуже. Джо, получивший благодаря ей имя, достойное персонажа гангстерского фильма, был стройным молодым человеком, наделенным поэтическим талантом. Разве не удавался ему день за днем ловкий фокус – в любое время года сооружать для Милли восхитительный весенний салат?

Джонатан Малоне был по уши влюблен к некую Бетти Корнелл, но та никогда в жизни не посмотрела бы на работника кафетерия, пусть тот и проглатывал, не жуя, все написанное Корсо, Ферлингетти, Гинсбергом, Берроузом и Керуаком. Джо знал их книги чуть ли не наизусть – и все зря! Он очень старался вкладывать поэзию в свои сэндвичи и салаты по пять пятьдесят и не оставлял надежды когда-нибудь продолжить образование, чтобы потом открывать чудесный мир слов девушкам, копирующим Бритни Спирс, Перис Хилтон и живые манекены, страдающие анорексией. Милли часто ему повторяла, что у него душа евангелиста, для которого стала религией литература.

После заправочной станции Милли выезжала на автостраду № 76 и мчалась с максимально разрешенной скоростью до следующего съезда, откуда возвращалась к себе.

Жила Милли в деревянном домике на Фламинго-роуд, сразу за местной водокачкой. Неприязательный квартал, но не без некоторого шарма. На Фламинго-роуд заканчивался город и начинался лес.

Вечера Милли посвящала чтению. Исключениями служили пятницы, когда к ней приходил ужинать Джо. Они смотрели вдвоем очередную серию своего любимого телесериала: в нем женщина-адвокат, жена будущего сенатора, страдала оттого, что в прессу просачивалась правда о связи ее мужа с девушкой по вызову.

Потом Джо громко декламировал стихи, которые сочинил за неделю. Милли внимательно слушала, потом требовала повторить, теперь под музыку, которую подбирала к стихотворениям Джо.

Музыка прочными узами соединила их с первой же встречи. Музыка их и познакомила.

* * *

Джо подрабатывал, играя на церковном органе. Его музыкальное призвание оплачивалось по твердой ставке – тридцать пять долларов за приглашение. Он обожал похороны.

Разве сравнить их с венчанием! Венчание страшно затягивается, гости долго усаживаются, невеста опаздывает, конца службы не дождешься, знай себе играй, пока новобрачные и все приглашенные не спустятся с паперти. Достоинство похорон – в безупречной пунктуальности усопших. К тому же кюре, испытывавший священный ужас перед гробами, перепрыгивал через целые разделы своего требника и завершал службу строго через тридцать пять минут после начала – хоть часы по нему проверяй.

Доллар в минуту – золото, а не работа! Джо, не единственный музыкант, которого кюре приглашал играть во время церковных служб, не забывал просматривать рубрику «Некрологи» в местной воскресной газете, чтобы первым попасть в график следующей недели.

Как-то раз на отпевании в среду, заиграв фугу Баха, Джо обратил внимание на вошедшую в церковь молодую женщину. Церемония близилась к концу, прихожане уже поднимались с мест, чтобы проститься с миссис Гингельбар, бакалейщицей, погибшей по нелепой случайности под высоченной пирамидой ящиков с арбузами, придавившей ее. Бедная миссис Гингельбар умерла не сразу, ее агония продолжалась всю ночь, и в конце концов она задохнулась под кучей бахчевых – виновников ее смерти.

Появление Милли в джинсах и в футболке с глубоким вырезом, с распущенными волосами, привлекло внимание Джонатана: уж слишком она отличалась от всех собравшихся. Организму везет: с его рабочего места можно разглядеть все, что происходит в церкви.

Джо частенько веселил заскукавшую Милли, рассказывая о забавных ситуациях, свидетелем которых становился постоянно. Чьи-то шаловливые руки задирали юбку на соседке, какая-то дама нежно поглаживала причинное место соседа, болтуны громко перешептывались, напрочь позабыв, где находятся, кто-то, задремав во время службы, неприлично клевал носом. Мужчины выворачивали шеи, разглядывая красивую женщину, а на ту, которая старалась привлечь всеобщее внимание, вовсе не смотрели. Когда кюре, известный своей шепелявостью, в очередной раз произносил нечто невразумительное в самый патетический момент службы, публика громко смеялась. Мобильный телефон под Библией или посторонняя книга под требником – ничто не укрывалось от взора органиста.

В ту среду, лишь только закрылись церковные двери, Джо спешно покинул орган и бросился вниз по винтовой лестнице, ведущей к исповедальне. Траурный кортеж миссис Гингельбар уже двинулся к кладбищу, соседствовавшему с ризницей, а молодая женщина так и осталась сидеть на скамье.

Он подсел к ней и, не вытерпев, нарушил молчание: спросил, не родственница ли она усопшей. Милли призналась, что не была даже с ней знакома, и не успел Джо поинтересоваться причиной ее появления на отпевании, стала хвалить его аппликатуру и то, как он чувствовал и интерпретировал музыку Баха. Тот миг положил конец двум одиночествам. Джо никогда прежде не слышал, чтобы кто-то так хвалил его игру. Милли с самого своего приезда в Филадельфию даже не думала о том, что у нее может появиться друг.

Джо схватил ее за руку и потащил к винтовой лестнице. Вид на неф с галереи привел ее в восхищение. Джо усадил ее спиной к трубам органа, взметнувшимся ввысь, сел за клавиши и вдохновенно исполнил токкату ре минор.

Милли показалось, что музыка пронзает ее насквозь, проникает в самое сердце, бьется в ее жилах. Божественное ощущение – когда твои кровеносные сосуды превращаются в нотный стан! Увы, этот частный концерт был прерван появлением кюре: удивленный тем, что цер-

ковь не встречает его тишиной, он тоже поднялся по лестнице. Обнаружив Милли, сидящую с открытым ртом и объятую восторгом, он сделался подобен экзорцисту, узревшему дьявола. Джо перестал играть и в ответ на вопрос кюре, что это за женщина, забормотал что-то невнятное.

Милли протянула кюре руку, поздоровалась и без малейшего смущения сообщила, что она сестра музыканта. Кюре нахмурился, положил на лавку причитавшиеся Джо тридцать пять долларов и попросил обоих покинуть церковь.

Выйдя на паперть, Джо, тогда еще звавшийся Джонатаном, пригласил Милли вместе пообедать.

Прошло десять лет, но в годовщину знакомства они иногда приносили букет тюльпанов на могилу миссис Гингельбар.

* * *

Однажды случилось неприятное событие, еще больше сблизившее Милли и Джо. Оно было связано с ее работой.

Кто-то взломал сервер университетского кампуса. Ректор университета заподозрил неладное, заметив, что студентов не очень-то беспокоит приближающаяся годовая сессия. Еще более странным ему показалось поведение преподавателей, не желавших ставить оценки ниже восьмидесяти. Быстро выяснилось, что кто-то получил доступ к экзаменационным темам.

До этого юридическое бюро университета занималось нехитрыми вопросами: проверкой страховых полисов, выдачей всевозможных справок и удостоверений, составлением различных административных документов (ректор обожал издавать распоряжения о поведении студентов в кампусе, в особенности что-то запрещать). Поэтому, когда ректор ворвался в помещение юридического бюро и объявил, что университет впервые в своей истории вынужден подать иск, да еще уголовного свойства, артериальное давление миссис Берлингтон достигло небывалой высоты, значительно превзойдя средние значения студенческих экзаменационных оценок.

Впрочем, работа над иском заняла у миссис Берлингтон всего полдня, столько же времени ушло у Милли на его оформление. Обе, особенно миссис Берлингтон, предпочли бы, чтобы этот труд потребовал гораздо больших усилий и соответствовал вопиющему характеру упомянутых в иске фактов. Поэтому они, не обсуждая ситуацию напрямую, согласились повременить несколько дней, прежде чем докладывать, что задание выполнено и что юридическая служба готова к отчаянной битве с бессовестными пиратами, посягнувшими на систему.

На протяжении всей этой необычной недели при каждой встрече с ректором в коридоре Милли напускала на себя вид крайней озабоченности, приличествующий сотруднице, которая осознает драматизм создавшейся ситуации. В результате он при виде ее был вынужден изображать подобие улыбки. Какая ни есть, а все-таки улыбка, аллилуйя!

И поскольку миссис Берлингтон, сохраняя это в тайне, уже вернулась к текущим делам, Милли, борясь с нарастающей скукой, решила провести собственное расследование.

Джо Малоне был поэтом и, если б стал преподавателем, любой студент о таком бы мог только мечтать. Но кроме этого, он был превосходным исполнителем, и ему не важно было, на каких клавишах играть – органа, фортепьяно, клавирина или компьютера. Из всего немногочисленного окружения Милли, в которое входили только миссис Берлингтон, сам ректор университета, соседка на Фламинго-роуд миссис Хекерманн и Джо, помочь ей в установлении личности похитителя экзаменационных билетов мог только Джо, ее единственный настоящий друг.

Во вторник, на следующий день после того, как было обнаружено преступление, Милли и Джо устроили под покровом ночи вылазку, не совсем законную, зато необходимую для расследования, которое в случае успеха принесло бы университету неоспоримую пользу.

Милли вернулась в кампус и поставила свой «олдсмобиль» на стоянку в 20.30 – как раз в это время у Джо кончалась смена. Дождавшись его, она позволила ему прямо в машине выкурить сигарету: верх был поднят, зато окна открыты с обеих сторон. Прождав полчаса в полном молчании, они двинулись по аллее вдоль библиотеки, наименее освещенного здания из всех. Благодаря магнитному ключу Милли они без всякого труда проникли в административный корпус, где находился компьютерный зал. Джо решил действовать на месте. Если полиция отреагирует на жалобу и поведет собственное расследование, то узнает обо всех попытках проникновения на сервер извне. Значит, исключалась работа с его персонального компьютера, как и из интернет-кафе города: все они из соображений национальной безопасности были с некоторыми пор оборудованы камерами наблюдения.

Джо, постоянно восхищавший Милли своей проникательностью, подозревал, что хакер рассуждал так же. В кибератаках такого рода наилучший способ не попасться состоит в том, чтобы присосаться прямо к зверю, из которого собираешься пить кровь – совсем как клещи, только те предпочитают жестким дискам собак.

Они тряслись от страха, пробираясь в темноте по коридору первого этажа. Необходимо было, соблюдая тишину, уложиться в полчаса между 21.00 и 21.30: в это время уборщики еще трудились на других этажах.

Джо, зажав зубами лампу, открыл дверцу аппаратного шкафа, нашел, куда присоединить свой лэптоп, и защелкал по клавишам. Он запросил память сервера, определил день и час взлома и обнаружил неопровержимое доказательство того, что кто-то здесь действительно хорошо поработал. Хакера, видимо, спугнули, и он ограничился малым, а главное, оставил на месте преступления неопровержимую улику – флешку. Экзаменационные билеты были скачаны с сервера через USB-порт с передатчиком Bluetooth. Джо поднял на смех беспомощных факультетских айтишников, не сумевших обнаружить такие элементарные вещи.

– Их было минимум двое. Один здесь, другой снаружи, скорее всего, под окном – далеко эта штука не пробивает, – прошептал он, забирая оружие преступления.

Милли предположила, что пират оставил на нем свои отпечатки, и Джо теперь оставалась самая малость: проникнуть в сервер полиции для выяснения его личности. Он покосился на нее не без удивления и улыбнулся, растроганный тем, что она считает его способным даже на такой подвиг. Следуя собственному плану, гораздо более простому, он сунул флешку себе в карман, сверился с часами и сказал, что пора сматываться.

На обратном пути им пришлось искать убежища в рабочем кабинете Милли и прятаться там под столом миссис Берлингтон. Один из техников бригады обслуживания изменил своим правилам и взялся обрабатывать линолеум в коридоре полировочной машиной, чем помешал их бегству. Друзья забились под стол и затаили дыхание. Не дышать стало совершенно невозможно, когда Милли извлекла у себя из-за спины предмет, упершийся ей в поясницу, – домашнюю тапку. Представив себе, как серьезная, склонная к поучениям миссис Берлингтон разглагольствует в домашних тапочках, Милли так громко прыснула, что Джо пришлось зажать ей рот ладонью. Это был единственный раз, когда между ними возникло напряжение. Этого не бывало с ними прежде, не будет и впредь. Просто Джо почувствовал, как кончик языка подруги скользит по его ладони, вдоль линии жизни. Скорчившись под письменным столом миссис Берлингтон, они обменялись в темноте удивленными взглядами, потом Милли сообщила, что в коридоре все стихло, значит, можно уходить.

Дома у Милли Джо вставил флешку в свой компьютер и бомбардировал ее алгоритмами до тех пор, пока она не сдалась и не выдала ему пароль владельца. Джо торжественно пообещал сделать все возможное, чтобы найти злоумышленников.

Назавтра, устроившись за своей стойкой в кафе «Камбар Кампус Сентр», Джо начал поиски при помощи своего магического средства и мобильного телефона. Он «прозванивал»

каждого входящего студента. Поскольку подавляющее большинство заглядывало сюда как минимум раз в день, потребовалось немного времени, чтобы выяснить, что одним из двух хакеров был Фрэнк Рокли. Джо скрывал улыбку, наслаждаясь своим открытием. Фрэнк Рокли был капитаном университетской бейсбольной команды. Джо не терпелось выяснить, как поступит ректор, узнав имя преступника за три месяца до чемпионата университетов, имевшего перво-степенное значение для престижа и финансирования данного образовательного учреждения.

Велико же было его удивление, когда Милли ничуть не обрадовалась. Он ждал взрыва веселья, но она выслушала его с грустным видом. Он не удержался и спросил, в чем причина.

И тогда Милли поведала ему тяготившую ее тайну. Она, испытывавшая раньше только презрение к парням, подсевшим на наркотик спорта, и считавшая их, чаще всего несправедливо, невежественными грубиянами, с некоторых пор прониклась к Фрэнку Рокли нежными чувствами.

– Все дело в его глазах, – призналась она, усевшись на скамейку рядом с Джо. – У него взгляд человека, у которого было невеселое детство. Как мне стало известно, отец требует, чтобы он сделал блестящую карьеру, а сам он хотел бы работать в какой-нибудь неправительственной организации и колесить по миру.

– Как ты узнала? – спросил ее Джо, вспоминая о волнении, испытанном накануне под столом миссис Берлингтон и хваля себя за то, что не сказал тогда ничего лишнего.

– Как-то вечером, когда я садилась в свою машину, он подошел и сказал, что считает меня элегантной. Странно было услышать от него это словечко – «элегантная»... Мы поговорили. Кажется, в тот вечер у него на душе скребли кошки. Спустя неделю мы столкнулись в секретариате, он обрадовался. Мы попили кофе...

– Не у меня в кафе, – уточнил Джо.

– Нет, дело было утром. Мы пошли в «Таттлмен». Короче, он поведал мне свою историю, и я заметила...

– ...что он тебе нравится?

– Ну да, что-то в этом роде.

– Ты ему об этом сказала?

Милли хлопнула Джо по плечу:

– Ерунда, пройдет, не о чем говорить!

Джо поинтересовался, намерена ли она выдать Фрэнка, и Милли напомнила, что они не полицейские. К тому же им обоим было бы нелегко объяснить ректору, как они вывели компьютерного пирата на чистую воду.

– Ты хочешь знать, кто ему помогал?

– Ты его знаешь?

– Не его, а ее, – уточнил Джо.

– Вот оно что! – И Милли со вздохом встала.

– Раз твой интерес исчерпан, зачем мы вообще за это взялись?

Вместо ответа она поблагодарила Джо, чмокнув его в щеку, и заверила, что провела потрясающий вечер и что их ночная вылазка станет одним из самых приятных ее воспоминаний. После этого она как ни в чем не бывало назначила ему встречу на завтра, чтобы сходить в кино; могла бы и не напоминать, они и так каждую субботу встречались перед многозальным кинотеатром «Уэст Ридж Пайк».

Провожая Милли взглядом, Джо вспоминал, как они познакомились в церкви.

Их десятилетняя дружба сохранилась благодаря взаимной откровенности, походам в кино по субботам, долгим беседам на низенькой каменной ограде водокачки и в немалой степени благодаря молчанию вдвоем. Зимой, лишь только начинали лететь первые снежинки, они забирались на крышу дома Милли и оттуда любовались, как одевались в белые одежды ели и

высокие сосны в лесу. Они выкуривали по несколько сигарет и болтали до тех пор, пока холод не загонял их в комнату.

* * *

Милли не выдала ни Фрэнка Рокли, ни его сообщницу, хотя готова была это сделать, когда узнала, что они встречаются. Она видела, как они целуются в кино, причем так самозабвенно, что казалось, будто они навеки присосались друг к другу. Милли пришла к заключению, что в прошлой жизни Стефани Хопкинс была лягушкой, иначе откуда эта способность так широко разевать рот? Будучи по натуре оптимисткой, Милли приободрилась, заметив, что Фрэнк смутился, когда она их засекла; молодой человек чувствует в подобных ситуациях замешательство, только если не уверен в своих чувствах. Надо дожидаться, пока Фрэнк основательно познакомится с грудью и с ягодицами своей лягушки, после чего их история отойдет в прошлое.

Знакомство с интимным рельефом Стефани Хопкинс затянулось у Фрэнка на целых два месяца: с грудью третьего размера расстаться было нелегко.

Как-то утром Милли увидела Фрэнка за столиком кафе «Таттлмен»: он читал учебник права. Она подошла с задиристым видом, положила перед ним флешку, которую выклянчила у Джо, и удалилась не оборачиваясь; она мысленно считала время, которое потребуется Фрэнку, чтобы ее догнать. Но он не стал ее догонять: видно, не просто так его назначили капитаном команды! Это только усилило чувства, которые испытывала к нему Милли. Спустя десять дней она заплатила ему той же монетой: при встрече он пригласил ее поужинать, а она ответила, что подумает.

Взаимное маневрирование продолжилось бы, если бы не Джо, вздумавший читать ей мораль. Будь у него малейшая надежда на интерес со стороны Бетти Корнелл, он бы не стал рисковать, не позволил бы себе этих ребяческих игр. Милли признала, что он прав, и в ближайшую субботу вечер, а затем и ночь провела в обществе Фрэнка.

* * *

Времена года меняются стремительно даже в пригороде Филадельфии. Фрэнк оставил пост капитана команды; завершив учебу, он поступил в отцовскую адвокатскую контору, расположенную в центре города. Они с Милли по-прежнему были вместе. До того чтобы съехаться, еще не дошло, но они об этом говорили, как и о том, чтобы впоследствии пожениться. Фрэнк много работал и каждую субботу снимал напряжение, играя в бейсбол. Милли это позволяло ходить в кино с Джо. После сеанса они прохаживались по галереям торгового центра и вели нескончаемые разговоры. Покупая себе одежду, она иногда дарила Джо футболку или рубашку и приглашала поужинать.

Когда наступала зима, они забирались на крышу дома Милли и сидели рядышком, наблюдая, как падает снег.

Милли в основном все устраивало. Да, ее жизнь была несколько однообразна: работа в кампусе (миссис Берлингтон теперь доверяла ей составление отчетов, которые раньше диктовала), пять ночей в неделю с Фрэнком, субботы с Джо, – но это полностью ее устраивает.

В те вечера, когда Фрэнк замечал у нее отсутствующий взгляд, он начинал рассказывать ей о своих мечтах, о желании освободиться от отцовского гнета, поступить в какую-нибудь НПО и отправиться в путешествие вместе с Милли. В такие вечера девушка снова думала о той судьбе, в которую всегда верила, и порой гадала, постучится ли она когда-нибудь в ее двери.

* * *

В первый день весны, садясь в 16.06 в свой «олдсмобиль», ожидавший ее на стоянке, она и не подозревала, что скоро эта судьба ее найдет.

2

Она дала себе слово, что эта ночь будет последней, которую она проведет здесь, и, в несчетный раз обдумывая свой план, гадала, какой будет жизнь в большом мире. Она так много была лишена! Телевидение и газеты служили подобием связи с современностью, но они давно уже ее не интересовали, и она нашла прибежище в книгах из библиотеки. Она понимала, что ничего или почти ничего не знает о мире, в который собралась отсюда выйти.

Она закрыла дневник и попыталась вспомнить тот день, когда сделала первую запись. Это было накануне Рождества, лет девять, а может, десять назад – уже и не вспомнить. Все те же движения, те же действия – как тут не запутаться? После перевода ее существование заметно улучшилось, и та рождественская трапеза ощущалась как праздник. Тогда подали пирожные с легким привкусом рома, печенье со странным названием, одно оно, помнится, вызвало у нее урчание в животе, а вот остального никак не вспомнить! Надо было ставить в дневнике даты. Ей все больше изменяла память, как ни тренировала она ее каждый вечер, прежде чем уснуть.

Она смотрела в зарешеченное окно, на оранжевый отсвет фонарей, освещавших двор, и представляла себя кем-нибудь из книжных героев, перенесшихся из прошлого в непонятное настоящее. Это были такие смешные мысли, что трудно было сдержать смех.

Она засунула тетрадь под матрас, сходила в туалет и улеглась с начатым накануне романом, зная, что скоро велят гасить свет. Она, так гордившаяся в молодости богатством своего лексикона, теперь сталкивалась с уймой слов, смысл которых не могла постигнуть. Что такое «Твиттер», если не подражание воробыному чириканью? Совершенно непонятно, зачем героине романа уподобляться этой птичке после возвращения из ресторана – что еще за способ поведать об ужине в обществе полицейского, оказавшегося грубияном? Бессмыслица какая-то! А это что за нелепость: публиковать фотографию этого невежи в «Фейсбуке» – вероятно, это какой-то новомодный журнал, – едва вернувшись домой?

Спальню уже затопила темнота, а она все еще лежала с открытыми глазами и считала секунды – в этом она никогда не ошибалась, – пока их не набралось две тысячи восемь. Свет тушили в девять вечера, значит, уже полночь, время, когда происходит смена дежурных. Она достала из-под койки мешок с грязным бельем, в котором спрятала свои вещи, поколебалась, захватить ли роман, потом тихо встала. Подойдя к двери, она совсем чуть-чуть повернула ручку, лишь бы вышел из паза язычок замка, медленно отворила дверь и вышла в коридор. От угла с поилкой ее отделяло пятьдесят шагов.

Спрятавшись в этом углу, она, затаив дыхание, дождалась, когда мимо пройдет завершающая обход надзирательница, а потом продолжила путь.

Дежурная санитарка пошла спать, когда погасили свет. После того как однажды она не смогла вовремя отпереть дверь своей каморки, когда одна из пациенток порезала себе запястья, она перестала запирать помещение на ключ. Агата стянула у нее этот ключ, она на такое большая мастерица. Когда кто-то из пациенток вопит во все горло от боли, сознательная санитарка забывает о ключах. Агата симулировала все мыслимые недуги, лишь бы поблаженствовать в отдельной палате; кроме того, она только притворялась, что глотает выписанные ей лекарства.

Войдя в каморку, она закрыла за собой дверь и улеглась прямо на пол. В противном случае через дверь виднелась бы ее тень: тусклой лампочки, освещавшей застекленный шкаф с медикаментами, было для этого достаточно. Она дотянулась до вентиляционной решетки, которая не была закреплена: Агата, бывая здесь раз за разом, вывернула все шесть болтов. Дав ей успокоительное, санитарка всегда оставляла ее отдыхать. Агата пролезла в вентиляционную шахту, ведущую в техническое помещение, где хранили свои принадлежности уборщики. Они

с санитаркой часто подслушивали через эту шахту их болтовню. Это она объяснила Агате, откуда доносятся голоса.

В подсобке она сняла пижаму, переделась в собственную одежду и залезла в большой контейнер для бумаг, картонных упаковок, пластиковых бутылок и другого сухого мусора, в который удобно было зарыться. Теперь оставалось считать секунды до половины первого.

Когда дверь подсобки открылась, у нее отчаянно забилося сердце. Колеса контейнера, где она спряталась, с пронзительным скрежетом покатали по линолеуму коридора. Уборщик, толкавший контейнер, остановился высморкаться, потом отправился дальше. Агата услышала, как в замке двери, ведущей во двор, поворачивается ключ. Уборщик еще разок высморкался, открыл крышку контейнера, чтобы выбросить использованный бумажный платок, и дотолкал контейнер до погрузочной площадки. Там все стихло.

Через тысячу восемь секунд она услышала урчание мотора, резкий предупредительный сигнал при движении мусоровоза задним ходом, звук раздвигающихся гидравлических домкратов, которым предстояло поднять контейнер с земли.

Агата сто раз представляла этот момент, безусловно самый опасный. Она сжалась в комок, накрыла голову руками, постаралась расслабить мышцы. Ей доводилось выполнять и более опасные акробатические трюки, но теперь мышечный тонус был уже не тот, гибкость оставляла желать лучшего. Петли крышки на контейнере залязгали, она почувствовала, что скользит, и не стала с этим бороться, сберегая силы. Контейнер кренился все сильнее, а потом, оглушенная шуршанием бумаги, картона и пластиковых бутылок, она вывалилась в разинутую пасть мусоровоза.

Захват потащил мусор в глубину бункера. Агата раскинула руки, уперлась ногами и удержалась на краю. Пустой контейнер вернулся на площадку. Зверь как будто насытился, захват отодвинулся, Агата забилась под коробки, не попавшие в жуткие челюсти.

Мусоровоз тронулся с места, рыча сцеплением, остановился, давая воротам отползти в сторону, потом стал набирать скорость.

За ними не ехало ни одной машины, ее тайник не освещал свет фар. Агата подняла голову и уставилась на разматывающуюся за мусоровозом ленту асфальта. По обеим сторонам дороги тянулись к небу сосны. Ее овеял сладкий воздух, и она знала, что никогда не забудет эту ночь с запахом свободы.

Мусоровоз выехал из леса, миновал один поселок, другой. Дальше потянулись пригороды. На первом городском светофоре она вылезать не стала: перекресток был пустынный, но, как ей показалось, слишком освещенный. Третья остановка на светофоре ей подошла: темно, вокруг ни души. Она выскользнула из бункера на дорогу, но осталась позади мусоровоза, чтобы водитель не увидел ее в зеркале заднего вида. Когда он тронулся, она спокойно зашагала, изображая спокойный переход через дорогу. Если бы водитель заметил ее, то принял бы просто за ночного пешехода.

Дойдя до тротуара, она продолжила путь, опустив голову. Мусоровоз исчез, и она сделала над собой усилие, чтобы не издать крик радости: праздновать победу было рановато. Два часа она шла не останавливаясь. У нее уже болели ноги, гудели барабанные перепонки, в легких полыхал пожар, голова и плечи отяжелели. Чем дальше она шла, тем сильнее становилась боль, и она уже боялась, что этому не будет конца.

Задышавшись, она задрала голову. Давным-давно она перестала верить в Бога, а теперь взмолилась: неужели Ему мало тридцатилетней кары? Чего еще Ему от нее нужно? Что она совершила, чем навлекла такую немилость?

— Ты мог все у меня отнять, и Ты сделал это, но от своего достоинства я не откажусь! — крикнула она, грозя небу кулаком.

Судя по рекламному щиту, до торгового центра оставалось несколько кварталов. Она решила дойти, даже если это значило бы истратить последние силы.

Добредя до огромной безлюдной стоянки, она испытала приступ головокружения и была вынуждена присесть на капот ближайшей машины, иначе не устояла бы на ногах.

Вот и телефонная cabina – первая, которую она увидела за весь свой путь. Она уже боялась, что телефонов-автоматов больше вообще не существует. Порылась в кармане, нашла украденные у санитарки деньги – несколько бумажных долларов и мелочь, завернутую в бумажку, чтобы не звенела. Она опустила в прорезь две монеты и набрала номер.

– Это я, – прошептала она, – приезжай за мной.

– У тебя получилось?

– Стала бы я тебе звонить в такое время, если бы не получилось?

– Где ты?

– Понятия не имею. Какой-то торговый центр, называется «Ньютон Сквер шопинг центр». Тут рядом китайский ресторан «Альфа Драйв». Умоляю, поторопись!

Человек, которому она позвонила, ввел в строку поиска продиктованное Агатой название.

– Буду через десять минут, максимум через пятнадцать. У меня «Шеви Волт». Никуда не уходи, жди меня.

Он повесил трубку. Агата сделала то же самое со словами:

– Черт возьми, что такое «Шеви Волт»?

* * *

Сев к нему в машину, она словно язык проглотила: молча любовалась пейзажем, опустив стекло.

– Это ты напрасно! Повсюду камеры, тебя могут опознать, – волновался мужчина за рулем.

– Какие еще камеры? – отозвалась она. – Мы в Америке или в мире Оруэлла?

– Там и там, моя дорогая, – ответил водитель.

– Не называй меня так, не люблю.

– Теперь, на свободе, ты предпочитаешь обращение «Ханна»?

– Отстань, Макс. Я на свободе, и я устала.

– Если хочешь остаться на свободе, лучше подними стекло.

– До шести утра они меня не хватятся. Даже после этого они вряд ли поднимут шум и пустят по моему следу полицию. Я больше никому не интересна.

– Если бы было так, я бы не колесил глубокой ночью по городу, – возразил Макс.

Агата повернула голову и уставилась на него.

– А ты постарел! – сказала она.

– С моего последнего посещения?

– Нет, с последнего раза, когда мы улепетывали в машине вдвоем. Только в тот раз был слышен мотор и ты ехал быстрее.

– Тогда не было радаров, а двигатель был бензиновый. Этот – электрический.

– Пересели на электрические тачки? Проклятье, к этому нелегко будет привыкнуть. Куда ты меня везешь?

– Не к себе. Это было бы опрометчиво: я стану первым подозреваемым, я ведь тебя навещал.

– Я думала, ты делал это под вымышленным именем.

– Под вымышленным, только в комнате посещений тоже камеры, меня быстро вычислят.

Агата вздохнула.

– Я не виноват, что времена изменились, Ханна.

– Виноват. Мы все отчасти виноваты, раз потерпели поражение. И вообще, называй меня Агатой, Ханна больше нет, во всяком случае, в этом мире.

– Мы все постарели. Ты это предрекала. У меня под Вэлли-Фордж загородный домик, мы скоро туда приедем.

Дорога вела через мелкий лесок. Они проехали несколько миль, свернули на проселок в густом лесу и наконец добрались до тупика. Макс вылез первым, обошел свой «Шеви», открыл дверцу Агаты и помог ей выйти. Потом зажег фонарь и взял ее под руку.

– Отсюда уже недалеко, каких-нибудь тридцать метров. Тебе здесь будет хорошо. Отдохнешь несколько дней, наберешься сил, а там видно будет.

В луче фонаря возник бревенчатый фасад. Макс достал ключи, отпер дверь и пригласил Агату войти. От щелчка выключателя загорелась свисавшая на цепи люстра. Потолок в комнате был невероятно высоким. Монументальный камин, толстый ковер, кожаные честерфилдские кресла справа и слева от камина. Напротив камина стоял обеденный стол из темноствольной канадской березы в окружении восьми стульев из той же древесины. Здесь же был письменный стол из красного дерева с кожаным креслом под пледом. Вдоль стены тянулась лестница на галерею второго этажа.

– Жилые комнаты наверху, – сказал Макс по пути в кухню.

Агата побрела за ним.

– А у тебя здесь красота! – похвалила она.

– Да, неплохо, – согласился Макс, наливая ей бокал вина.

– Богато, я бы сказала. Представляю, во сколько тебе все это обошлось!

– Купил-то я домик за бесценок, а вот ремонт влетел в копеечку.

– Значит, пока я томила в застенке, ты зашибал деньги?

– Мне повезло. Ты хотела, чтобы я ночевал под мостом?

– Ничего я не хотела, Макс. Рада, что ты выскользнул из невода. Спасибо за вино, я выпью его позже, первым делом мне хотелось бы немного освежиться.

– Ванная на втором этаже. – Макс указал на одну из двух дверей, видневшихся за ограждением галереи.

Поднимаясь по лестнице, Агата рассматривала фотографии на стенах. На одной из них был запечатлен Макс щека к щеке с молодой женщиной. Перед этой фотографией она задержалась.

– Сколько лет твоей дочери? – спросила Агата шедшего за ней следом Макса.

– Тридцать, – процедил он сквозь зубы. – Левая дверь – спальня, правая – ванная.

– Спальня всего одна?

– Очень удобная кровать, спать будешь без задних ног.

– А ты вернешься к дочери?

– Ты голодна? – ответил Макс вопросом на вопрос, вскидывая голову.

– Подыхаю с голоду! – С этими словами Агата скрылась в ванной.

Она так давно не видела ванны, что приблизилась к ней с трепетом антиквара, наткнувшегося на бесценную реликвию. Сначала она села на край ванны, заткнула сток и, прежде чем пустить струю изумительно чистой воды, любовно погладила кран.

Найдя на полочке в нише графин с солью для ванны, она сняла с него крышечку, понюхала содержимое и почти все высыпала в воду. Персиковый аромат растрогал ее до слез.

В первые двадцать лет неволи ей приходилось многим жертвовать, чтобы добиться собственного куска мыла, не говоря о сражениях, в которые приходилось вступать, чтобы его

отстоять у воровок. Взглянув на свое отражение в воде, она поболтала в воде рукой, чтобы лишний раз себя не видеть.

Раздевшись, она все-таки не могла не взглянуть на себя в зеркало. Кожа, грудь, бедра сохранили упругость, в волосах не было заметно седины. Она повернулась, изучая ягодицы, и испытала чувство гордости: все же она сумела сохранить себя за все эти годы. Она улыбнулась при мысли, что еще способна соблазнять мужчин.

Вода была слишком горячей, но она смело погрузилась в нее по шею. Она давно забыла это ощущение – вода, выталкивающая восхитительно легкое тело; она дала себе слово, что теперь не будет лениться и будет принимать ванну всякий раз, когда возникнет желание. Она заплатила долг, отдала больше, чем следовало. Теперь никто ничего не посмеет ей запретить, никакие правила не принудят ее делать что-либо помимо воли.

Внутренний голос воззвал к рассудку: она так рисковала, так долго ждала не ради того, чтобы нежиться в ванне, а ради обещания, которое она выполнит, чего бы это ей ни стоило.

Прогнав оцепенение, она вышла из ванны, растерлась полотенцем с ног до головы и завернулась в потрясающе мягкий купальный халат.

Теперь пригладить волосы, наложить на щеки немного румян из коробочки на раковине, спустить из ванны воду. Сделав все это, она спустилась в гостиную, где уже упоительно пахло едой. Макс, накрыв стол скатертью, водрузил на него тарелку с оладьями, сдобренными кленовым сиропом. Он отодвинул стул, усадил Агату, сел напротив и стал сверлить ее взглядом.

– Над тобой возраст не властен, – проговорил он, беря ее руку.

Агата вонзила вилку в стопку оладий.

– Если хочешь, чтобы мы легли вместе, я не против, только избавь меня от своих дурацких комплиментов. В былые времена ты не ходил вокруг да около.

– Тогда мы свободнее распоряжались своими телами, чем теперь.

– А что, в смысле постели тоже произошли перемены?

– А как же! – Макс вздохнул. – Снова правит пуританство, а тут еще СПИД. От него умерли Джереми, Селия, Фрэнсис и Берни, и это я еще не всех вспомнил.

– Но хоть кто-то выжил? – осведомилась Агата.

– Ты, я, Люси, Брайан, Рауль, Вера, Квинт, Данкинс – уж не знаю, помнишь ли ты его, – Дэвид, Билл, с десяток других.

– Кем все они стали?

– Университетскими преподавателями, писателями, журналистами. Большинство – примерные буржуа.

– Как ты?

– Мне чуждо притворство.

– Что толку притворяться, с такими-то хоромами?

– Дэвид по-прежнему за решеткой, Квинт разводит в Аризоне лошадей.

– Квинт разводит лошадок? Я балдею!

– Он среди нас самый успешный, разбогател, как Крез. Его хозяйство занимает сотни гектаров.

– Расскажи мне о Дэвиде.

– Ему никогда не выйти, ему влили семьдесят пять лет... Тебе-то зачем понадобилось бежать, ты ведь уже отмотала почти весь свой срок?

– Еще шестьдесят месяцев за решеткой – это немало, поверь. Я больше не могла, и потом, я же тебе говорила, я должна кое-что сделать, пока не поздно.

– Никак нельзя было с этим подождать еще пяток лет?

Агата собрала пальцем остатки сиропа с тарелки и облизала палец.

– Ты раздобыл то, о чем я просила?

– Да, только это не здесь, я слишком торопился тебя забрать. У тебя был такой загробный голос! Привезу завтра, вернее, уже сегодня, вместе с провиантом. На первое время у тебя есть чем подкрепиться: яйца, хлеб, в холодильнике молоко. Не пользуйся телефоном, мне не звонить ни в коем случае, этого требует осторожность. Не беспокойся, я вернусь еще до того, как ты проснешься.

Макс встал и, прежде чем уйти, поцеловал Агату в губы.

Как только он вышел, она быстро обшарила комнату, обыскала все ящики, не представляя, чего ищет. Пора ей избавиться от этой своей мании!

Она вышла на крыльцо. Небо уже окрасилось цветом зари. Ее исчезновение скоро обнаружат, если уже не обнаружили. Она поежилась, вернулась в дом и поднялась наверх, спать.

* * *

Спала она крепко, как Макс и обещал. Проснувшись, потянулась, встала с кровати и спустилась в купальном халате вниз.

Сквозь жалюзи в гостиную просачивался свет. Агата огляделась. Ни одна из фотографий на стене, ни один предмет на письменном столе, ни одна безделушка на буфете – ничто здесь не свидетельствовало о прошлом ее и ее друзей. Она пожала плечами и отправилась в кухню.

Там она взяла из холодильника нарезанный хлеб и джем, потом стала открывать ящики в поисках кофе. Кофе хранился в банке, в алюминиевых капсулах. Она покрутила банку, подцепила ногтем крышечку, кое-как вскрыла капсулу.

– Придумали же, держать кофе взаперти! – пробормотала она себе под нос.

Не найдя ни кофейника, ни кофеварки, она высыпала порошок из капсулы в чашку и вскипятила воду.

Завтракала она за столом в гостиной.

Ей стало казаться, что день уже клонится к закату. В испуге она вернулась на кухню и увидела время на часах, встроенных в старую газовую плиту: было уже пять часов вечера! Почему Макса все еще нет?

Звук шагов перед домом напугал ее еще сильнее: она знала, что это не Макс. С тех пор как удар дубинкой раздробил ему колено, Макс хромал. По ступенькам крыльца поднимался обладатель гораздо более легкой походки.

Агата вскочила и спряталась за дверь. Молодая женщина с плетеной корзинкой ахнуть не успела, как оказалась на полу. Обернувшись, она сказала сбившей ее с ног Агате:

– А Макс говорил, что вы страшно устали...

– Кто вы такая?

– Хелен.

– Уставшей я была вчера. – Агата вспомнила улыбающееся лицо на одной с Максом фотографии на лестнице. – Вы его дочь?

– Нет, жена!

– Утешили, – сказала Агата, помогая ей встать. – Хоть что-то в этом странном мире осталось прежним.

– Он не смог приехать, – стала объяснять Хелен, поднимая свою корзинку. – Сегодня перед нашим домом появилась полицейская машина. Он испугался, что за ним следят.

– А о существовании этого шале они знать ничего не знают?

– Оно записано на мое имя. Раньше оно принадлежало моему отцу.

– Вот хитрец!

– Кто, Макс? Что он вам наплел?

– Ничего, – ответила Агата. – Извините, что сбила вас с ног. Старая вредная привычка.
– Я знаю...

– Ничего вы не знаете! – перебила ее Агата. – Если копы нагрянут к вам сегодня утром, то не позже чем через два дня они пожалуют сюда.

– Макс того же мнения, потому и отправил меня за вами.

– Почему-то я не удивлена. Он предпочитает командовать боевыми действиями, а не самому быть на передовой. Я его не виню, у него неплохо получается.

– Не судите его строго, ему тоже досталось. Он смелый человек.

– Будь у нас время, я бы вам порассказала, что значит, когда человеку по-настоящему достается. Что в корзине?

– Все, что вы просили у Макса. Я сварю вам кофе, а потом мы уедем, – сказала Хелен, направляясь в кухню.

– У вас не кофе, а настоящая дрянь. Ничего не нашла: ни кофеварки, ни кофейника!

Хелен вынула из банки капсулу, вставила ее в эмалированный аппарат на столе, подставила чашку под кран аппарата и нажала кнопку. На глазах у Агаты, делавшей вид, что ничего другого не ждала, в чашку полился кофе.

– Вы с ним переспали? – спросила Хелен, протягивая ей чашку.

– Ценю вашу прямоту! Почему вы спрашиваете?

– Потому что на вас мой купальный халат на голое тело.

– Он такой мягкий, никогда раньше такого не надевала! Нет, я не спала с вашим мужем.

– Мы только обручены.

– Не волнуйся, милочка. Сравни меня с собой: ты моложе меня лет на двадцать!

– Вы очень красивая женщина, к тому же он вас часто навещал.

– Раз в год – разве это часто? Правда, он был единственным, кто это делал.

– Он вас очень любил.

– В те времена все друг друга любили. Успокойся, между нами никогда не было ничего серьезного, простое товарищество.

– Вы не будете возражать, если я попрошу вас одеться? Я бы не хотела, чтобы мы здесь задерживались.

Агата наклонилась к корзинке. Там лежали два конверта. В одном были две пачки сто-долларовых купюр. Она пересчитала деньги – получилось десять тысяч. Второй конверт был больше первого, в нем лежали документы, которые она пробежала глазами, прежде чем вернуть на место.

Теперь можно было идти одеваться.

– Возьмите в шкафу в спальне что хотите! – крикнула Хелен ей вслед. – У нас с вами, похоже, один размер. Там на полке дорожная сумка, сложите в нее то, что вам понадобится. Белье в комод. Какой у вас размер обуви?

– Тридцать девятый.

– Как у меня. Обувь тоже в шкафу.

Агата остановилась, не дойдя нескольких ступенек, и оглянулась на Хелен.

– Почему ты это делаешь?

– Потому что у меня больше вещей, чем мне нужно. К тому же это будет поводом подкупить еще.

– Я не об этом спрашиваю. Что тебя заставляет рисковать ради незнакомого человека?

– Какая же вы незнакомая? Макс столько мне о вас рассказывал, что вы стали частью моей жизни. Вы даже представить себе не можете насколько.

– Брось эти игры! Если меня поймают в твоей компании, то ты окажешься сообщницей побега.

– Давайте поторопимся, договорим по дороге.

Уже через несколько минут Агата спустилась вниз с сумкой.

– Я взяла только самое необходимое, – сказала она Хелен.

Подойдя к корзине, она засунула конверт с деньгами в один карман заимствованной куртки, конверт с бумагами – в другой карман.

– Я готова.

Стоя на крыльце, она наблюдала, как невеста Макса запирает ключом дверь.

– Что такое? – спросила та.

– Ничего, просто у вас двоих такая красивая жизнь...

– У нас тоже есть кое-какие проблемы, – ответила Хелен, спускаясь с крыльца.

Подойдя к машине, она жестом пригласила Агату за руль.

– Ты с ума сошла? Я тридцать лет не водила машину.

– Это как плавание: никогда не забывается.

Агата села в водительское кресло и протянула соседке руку:

– Где ключи?

– В бардачке.

– Ну так достань и дай мне, как мне иначе тронуться?

– Это лишнее, все на электронике. Нажимаешь кнопку – и готово.

Зажглась приборная панель, из-под капота донесся легкий, как дыхание, шум. Агата уставилась на дисплей с цветными схемами, показывавшими зарядку аккумуляторов.

– Прямо как в космическом корабле! Я в шоке! Руль-то еще нужно крутить? Вдруг нас остановят? Я же без документов. Жаль будет, если тебя посадят из-за такой ерунды.

– Хватит ворчать, поезжайте. Скоро стемнеет. Если вы не станете превышать допустимую скорость, нас никто не остановит.

Машина выехала по проселку из лесу и остановилась на перекрестке.

– Направо, – подсказала Хелен.

– Какие проблемы? – спросила Агата.

– Вы это о чем?

– Там, на крыльце, ты сказала: «У нас тоже есть проблемы».

– Вас это не касается.

– Совсем скоро ты высадишь меня на обочину, и мы больше не увидимся. Хочешь излить душу человеку, способному тебя выслушать, не осуждая, – валяй! Сейчас или никогда!

Хелен поколебалась, потом глубоко вздохнула.

– Вы правда с ним не переспали?

– Сказано тебе: нет! За кого ты меня принимаешь? Это оскорбительно, в конце концов!

– Вы сбежали из тюрьмы. Знаю, вы возразите, что либидо – как аппетит: чем меньше ешь, тем меньше хочется.

– С какой стати я буду говорить такие глупости? Что, с Максом все так плохо?

– Иногда бывает нелегко, вы необычные люди.

– Ошибаешься, мы были самыми обыкновенными: сыновья и дочери фермеров, рабочих, коммерсантов. Студенты – этим все сказано. Ну, были среди нас детишки богачей, даже одна дочка сенатора, пусть покоится с миром. Просто то, что с нами творилось, выходило за рамки обыкновенного, а главное, среди нас были свихнутые, хотя были и нормальные. Как я поняла, большинство теперь стали добропорядочными гражданами – я о тех, кто выпутался, вроде Макса.

Хелен открыла бардачок, достала револьвер и положила его Агате на колени.

– У каждого свое понимание обыкновенного. Он попросил меня отдать вам это.

– Убери туда, где взяла, – потребовала Агата.

– Как вы с Максом познакомились? – спросила Хелен, забирая револьвер.

– Я хотела тебя спросить о том же, – парировала Агата. – Ну, слушай. В первый раз мы встретились на демонстрации, которую стала разгонять полиция. Макс у ударом дубинки раздробили колено, он истекал кровью, полицейский собирался продолжить, и, если бы я не вмешалась, Макс у была бы крышка. Я пнула полицейского изо всех сил, и он потерял равновесие. И потащила Макса в боковую улочку. Та еще глупость: улочка оказалась тупиком. Если бы тот коп за нами побежал, нам обоим была бы крышка. Но в тот раз нам повезло. Мы спрятались за мусорными баками. Я зажимала Макс у рану, чтобы он не истек кровью, а ему хотелось изображать крутого парня, вот он и молот всякий вздор. Среди его вздора попадались, правда, и смешные шутки. Так у нас с ним возникла взаимная приязнь. Когда вокруг стихло, я переправила его в больницу. Ну вот, ты все и узнала.

– Он так и не пожелал сказать мне, за что вас посадили.

– Лучше сменим тему. Поговорим теперь о тебе.

– Мне понадобился адвокат, друзья порекомендовали Макса: гонорары он брал умеренные и прослыл опытным в своей сфере.

– Что за сфера?

– Гражданские иски, брачные контракты, разводы, наследства.

– А ты при чем?

– Я собиралась замуж.

– А очутилась в его постели? Ловко!

– Жизнь полна неожиданностей. Я вошла в его кабинет, наши взгляды встретились, и меня словно подбросило в воздух! Уходила я от него сама не своя.

– И твой брачный контракт отправился в мусорную корзину. Ты что-то говорила о проблемах?

– До мужчин иногда медленно доходит. Я десять раз заставляла его переписывать мой брачный контракт, пока он меня не спросил, действительно ли мне хочется замуж. Я ему говорю: это смотря за кого. Только тогда его осенило!

– Да уж, Макса не назовешь воплощением смелости, зато у него есть другие достоинства.

– У вас с ним было по-другому?

– С чего ты взяла? Повторяю, мы были просто приятелями!

Хелен порылась в сумке, достала сделанный «Полароидом» снимок и положила его на приборную панель. На снимке Макс и Агата, оба по пояс голые, обнимались на лужайке.

– Какое близкое приятельство! – прокомментировала Хелен.

Агата мельком глянула на фотографию и снова стала смотреть на дорогу.

– Это Вера сняла. Вспоминаю те счастливые деньки! Наша компания полдня ходила на голове в Центральном парке. Покурили мы там от души, видишь, как хохочем? Где ты это раскопала?

– Среди вещей Макса. У него там целая коллекция.

– Ему полагалось все это сжечь.

– Я сделала это за него. Ну и бесился он! Две недели потом со мной не разговаривал.

– Давно случилось это твое несостоявшееся замужество?

– В конце лета будет десять лет, как мы с Максом вместе.

– Сколько тебе было лет, когда он тебя подцепил?

– Примерно как вам на этом снимке: двадцать два.

– Он-то был гораздо старше, наверное, это тебя и соблазнило. Ты так меня боишься?

– Что вы хотите этим сказать?

– Макс знает, что мы едем в этой машине вдвоем?

– Естественно!

– Твое великодушие и желание помочь мне сбежать – это все потому, что ты испугалась моего появления.

– Возможно, – согласилась Хелен.
– Это ведь ты запретила ему приехать?
– Макс ничего нельзя запретить. Я попросила, он согласился.
– А как же полицейская машина у вашего дома сегодня утром?
– Не было никакой машины, – призналась Хелен.
– Впервые ты сказала что-то, что касается меня. Все остальное – ваше дело. Я дам тебе один совет, хотя ты о нем и не просила: старайся его любить, не давай волю ревности, она заставит тебя его возненавидеть. Никто никому не принадлежит. Сделай его счастливым, и ты его сохранишь. А теперь высадите меня где-нибудь в городе и дуй к нему.
– Это вы посадите меня где-нибудь. Он велел мне отдать машину вам.
– Чьи деньги в конверте, его или твои?
– Его.
– Тогда ладно.
– Скоро будет торговый центр, посадите меня на стоянке, я вернусь домой на такси. Теперь о вас. Макс ввел в навигатор координаты пригородного мотеля. Там вы сможете переночевать.
– А ты можешь мне подсказать, что такое навигатор.
Хелен засмеялась:
– Я вам покажу.
Через десять минут Агата затормозила по просьбе своей пассажирки. Хелен вышла из машины и оперлась о дверцу.
– Я часто задумывалась, захотелось ли бы мне вступить в вашу организацию, но так и не нашла ответа на этот вопрос. Вот номер моего мобильного, это линия без абонента, звонки анонимные. Если вам что-то понадобится, звоните без колебаний. Желаю удачи!
Агата не поняла, о какой линии она толкует, но взяла протянутую Хелен бумажку.
– Спасибо вам обоим. Передай Макс, что я не забуду того, что он сделал, и что мы с ним квиты. Завтра я позвоню и скажу, где тебе забрать машину. После этого ты обо мне уже не услышишь.

* * *

Агата покатила дальше. Через несколько миль она съехала на обочину, вынула из обоймы револьвера все патроны, кроме одного, выбросила их в окошко и снова тронулась. При каждой подсказке направления она вздрагивала и бранилась, но, доехав до мотеля, поблагодарила навигатор, словно это было живое существо.

За номер она расплатилась наличными. Он оказался совершенно безликим, зато чистым. Ванна была такая низкая, что пришлось бы распластаться на дне, чтобы вода накрыла тело.

Она переоделась в позаимствованный у Хелен пуловер и отправилась ужинать. Завтрак в обеденное время не утолил голод, пора было подкрепиться. Она перешла через дорогу, высмотрев напротив мотеля ресторанчик.

Она не сомневалась, что ее уже ищут. Уже завтра ее фотография появится в газетах, возможно, ее уже показали по телевизору. Немного дрожа от этой мысли, она вошла в ресторан, пропитанный запахом подгоревшей еды.

Никто не обратил на нее внимания. На тарелках едоков громоздилась еда. Она под села к пустому столу за перегородкой и жестом попросила у официантки меню.

Она мечтала о вкусной еде, по которой так долго скучала, и заказала сразу много, а в довершение попросила второй кусок шоколадного торта.

– Какой у вас хороший аппетит! – не выдержала официантка, подавая ей кофе.
– Где здесь можно купить карту штата?

– А вы откуда?

– С Западного побережья, – соврала Агата, хотя это было ложью только наполовину. Ведь тридцать лет назад она жила именно там.

– Карту спросите на заправке, она на этой же улице, только немного дальше. Вы остановились во «Фламинго»?

– «Фламинго»?

– Мотель напротив. Он так называется из-за розовых стен, – объяснила официантка.

– Значит, во «Фламинго». А вы откуда знаете?

– У нас едят одни и те же люди: те, кто поблизости работает или живет. Новые лица – только путешественники, останавливающиеся переночевать во «Фламинго». Что вас к нам привело?

– Ничего, я проездом.

– Тогда мне остается только пожелать вам хорошего вечера, – сказала официантка, кладя ей на стол счет.

Агата взяла из вазочки ментоловую конфету и спрятала ее в тот же карман, из которого достала большой конверт, захваченный из номера. Она внимательно прочла подготовленный Максом доклад и изучила приложенные к нему фотографии. Если ему вдруг придется расстаться с карьерой адвоката, то из него получится хороший детектив. Она сложила листы, расплатилась и вернулась в мотель.

Улеглась в постель и стала переключать телеканалы, пока не набрела на выпуск новостей, который досмотрела до конца.

О ее побеге не было сказано ни слова, что ее обеспокоило. Она видела единственную причину этого умолчания: что ее разыскивает не полиция, а Федеральное бюро расследований. Один заключенный рассказывал ей, что когда ФБР кого-то сажает, то этот человек принадлежит Бюро до конца срока, каким бы длинным он ни был. Тем хуже, сказала она себе, однажды она уже задала им жару, теперь придется заняться тем же самым. В этот раз она уже не сдастся.

Она выключила телевизор, пожалела, что не запаслась книгой, и погасила лампу у изголовья.

3

Том Брэдли сошел с автобуса совершенно обессиленный. За время поездки, занявшей почти два дня, он сделал четыре пересадки. Сначала доехал от Айронвуда до Сент-Игнаса в Мичигане – туда он добрался накануне вечером. За ночь добрался до Бей-Сити, умудрившись немного подремать в дороге. На рассвете выехал в сторону Детройта и там сделал последнюю пересадку, прежде чем прибыть в середине дня в Питсбург. Он с радостью посидел бы в баре, утолил бы жажду, но время поджимало.

На платформе автовокзала он изучил карту автобусных маршрутов. Конечный пункт одного из них, городского, находился всего в двух милях от цели его путешествия. Он посмотрел на часы и прикинул, что будет на месте до наступления темноты.

Так и вышло. С чемоданчиком в руке он подошел к кокетливому домику с квадратной лужайкой и аккуратно подстриженной изгородью из жимолости. Преодолев три ступеньки крыльца, он постучал дверным молоточком.

– Я ждал тебя раньше, – проворчал судья Клейтон, открывая ему дверь.

– Я живу не по соседству, а машины у меня давно нет, – ответил Том.

– Но ты же не пешком сюда притащился?

– Почти пешком. И на автобусе.

– С самого севера Висконсина? Забыл, что существуют самолеты?

– Не люблю отрываться от земли. Ты меняпустишь или продолжим разговор через дверь?

– Первым делом марш в душ! – распорядился судья. – Ванная на втором этаже. От тебя смердит, как от старого козла, смотреть на тебя вообще невозможно. Я жду тебя в гостиной.

Том подчинился приказу. Через четверть часа он спустился совсем другим, во всем чистом. Судья Клейтон ждал его, сидя на диванчике. На столике для гостя был приготовлен чай и сухое печенье.

– Полагаю, документы, которые я тебе отправил, имеют кое-какое отношение к твоему визиту, – начал судья, предложив ему сесть напротив.

– Получил позавчера и вчера выехал.

– Угроздило же тебя забраться в такую даль! Неужели тебя не привлекает более удобная жизнь?

– Меня устраивает та жизнь, которую я веду, – ответил Том. – Там я свободный человек.

– Среди волков?

– У каждого своя территория. Мы друг друга уважаем. Это звери редкого ума, иногда даже умнее людей. Среди них не заводятся наемные убийцы, и убивают они только ради пропитания.

– Ты был одним из лучших сыщиков среди всех, кого я знал. Ты заслужил лучших условий отставки.

– Что ты об этом знаешь? Старость в этом доме – это и есть твое представление о счастье? Приглашаю тебя к себе в гости зимой, так ты вспомнишь молодость. Возможно, я ввалился к тебе с запахом козла, но у тебя здесь смердит старостью и затхлостью. Что ты видишь, когда утром открываешь окна? Лужайку да подстриженную живую изгородь? А мои угодья – лес, вместо календаря у меня времена года, вместо часов – солнце.

– Ты живешь отшельником. Одинокая старость – не дело. Но мы встретились не для того, чтобы опять ругаться. Давай лучше поговорим о твоей подопечной.

Том взял чашку с чаем, встал, отошел к окну и там замер, отвернувшись от судьи.

– Когда она сбежала?

– Трое суток назад. Как только я об этом узнал, сразу переслал тебе документы через твоих бывших коллег.

– Зачем она это сделала? Главное, почему сейчас? – Том обернулся.

– Это вызов, вполне в ее духе. И конечно, это с ее стороны непростительная глупость. Ей оставалось всего пять лет отсидки; срок могли бы сократить, и она бы вышла через два года. – Судья вздохнул.

– Наверное, она так долго ждала, что больше уже ни на что не надеялась. Сколько ходатайств о досрочном освобождении отклоняется? Сколько раз она надеялась, что ей сократят срок? И каков результат? – повысил голос Том.

– Должен тебе напомнить, что десять лет назад я добился ее перевода в исправительное учреждение с облегченным режимом, без камер, со свободой передвижения. И вот как она меня отблагодарила!

– Свобода передвижения внутри помещения и на крохотной территории – о чем ты говоришь? Разве это жизнь?

– Это ее сознательный выбор.

– Ничего себе выбор! – воскликнул Том.

– Ты все знаешь не хуже меня. Потому я и боюсь, что она кое-что втемяшила себе в голову. По этой причине я тебя и вызвал. Я использовал все свое влияние, чтобы ее бегство держали в секрете, но добился только короткой отсрочки.

– Сколько? – спросил Том.

– Пять дней – это все, что мне удалось выбить. По прошествии пяти дней ее начнут искать.

– Во второй раз она не сдастся.

– Я того же мнения, это было одной из причин потревожить тебя в твоём логове.

– Лучше признайся, что, если случится резня, это изрядно попортит твой послужной список, а тебе этого не хочется, тем более за несколько месяцев до выхода в отставку. Еще меньше тебе хочется, чтобы начальство снова заглядывало в твоё личное дело. Тебе есть что терять. Вот зачем ты потревожил меня в моём логове, как ты сам выражаешься.

– Я рисковал ради нашей с тобой дружбы. Теперь ты все знаешь. Поступай, как считаешь нужным.

Том пристально посмотрел на судью.

– Мне нужно передохнуть, чтобы как следует разобраться, что к чему.

– Ты рассчитываешь на успех?

– Среди бумаг, которые ты мне переслал, есть тетрадка, которую она оставила под своим матрасом. Из нее наверняка можно выудить ниточку, что-то понять. Я еще этого не сделал, но уверен, что это возможно.

– Оставила под матрасом? Позволь усомниться. Она наверняка пытается пустить нас по ложному следу.

– Чутье подсказывает мне противоположное.

Судья поманил Тома к себе в кабинет, где сел в кресло, выдвинул ящик письменного стола и протянул ему два листка:

– Вот предписание, развязывающее тебе руки. Второй документ я получил сегодня утром от МС². Подпишешь – и можешь приступить к выполнению своих обязанностей.

Том пробежал глазами первый листок и схватил ручку, которую ему протягивал судья.

– Они не связали одно с другим?

² Маршаловская служба США – федеральное агентство в системе Министерства юстиции. Маршалы несут охрану федеральных судов, занимаются поиском сбежавших из мест заключения и транспортировкой заключенных, а также защитой свидетелей; они также несут ответственность за сохранность ценностей, конфискуемых при ликвидации незаконной деятельности. (Прим. автора.)

- Нет, я просто сказал, что мне потребовались твои услуги.
- Небось морду скривили?
- Не в обиду будь сказано, Том, но тебя уже никто не помнит. Я запросил эту бумагу, и мне ее прислали, вот и все.
- Я совершаю непростительную глупость, – пробормотал Том, ставя свою подпись. – Обещаю, это в последний раз.
- Убрав предписание в карман, он намекнул судье, что неплохо было бы поужинать.

Клейтон был человеком привычки. В дверях его любимого ресторана выстроилась очередь, но для него и его гостя столик нашелся незамедлительно.

Сделав заказ и дождавшись ухода официанта, они продолжили прерванный разговор.

- С чего собираешься начать? – осведомился судья Клейтон.
- У нее нет документов, во всяком случае пока, кредитной карточки и денег тоже нет. Сколько времени она без всего этого продержится? Сейчас не семидесятые годы.
- Деньги она могла где-нибудь припрятать.
- Помнишь, при каких обстоятельствах она получила срок? Брось, давай говорить серьезно! У нее нет ни малейшего шанса. А поскольку она кто угодно, только не дурочка, то она все это знала, когда готовила свой побег.
- Ты хочешь сказать, что кто-то помогал ей за пределами тюрьмы?
- Да, помощник у нее был, а может, и несколько помощников. Без помощи она бы не пошла на этот риск.
- У тебя есть на подозрении кто-то конкретный?
- Пока что нет, сначала мне нужно составить список ее бывших друзей – тех, кто еще жив и находится на свободе.
- Такой список ничего не стоит получить от твоего начальства.
- Я работаю один и ни перед кем не отчитываюсь. Через пять дней я верну свой жетон, это мое последнее дело. И потом, если бы я запросил такой список у Службы маршалов, то сразу бы всех насторожил. Рано или поздно кто-нибудь непременно стал бы выяснять, что это вдруг я вернулся на службу. Если меня наконец вспомнят, хотя ты чрезвычайно деликатно утверждал, что этого не произойдет, то обязательно свяжут с...
- Ладно, ладно, я понял, – перебил его Клейтон.
- Список нужен мне завтра, не позже середины дня.
- Том предложил судье закончить на этом их вечернюю встречу: ему необходимо было выспаться, а для этого следовало подыскать отель. Судья Клейтон предложил ему расположиться в комнате его сына, которой тот давно не пользовался.
- На обратном пути оба молчали.

* * *

Следующим утром, спустившись в гостиную, судья Клейтон уже не застал Тома Брэдли: того и след простыл.

* * *

Агата посвятила утро изучению доклада Макса, потом погрузилась в инструкцию по использованию навигатора GPS, обнаруженную в бардачке автомобиля. Овладеть этим прибором стало для нее делом принципа. К середине дня она худо-бедно разобралась, как реагировать на голос в салоне автомобиля, говоривший с нею, хотя она ни о чем не спрашивала.

Она, все время сбиваясь, ввела кое-как координаты места назначения, поискала, куда вставлять ключ зажигания – еще одна головная боль, и в конце концов нажала на кнопку.

Загорелась лампочка недостаточной зарядки батарей, но она не испугалась, потому что должна была проехать всего пятнадцать миль, к тому же не сомневалась, что даже в электро-мобиле датчик уровня «топлива» должен предусматривать какой-то резерв.

Она вырулила на автостраду № 76 и поехала в направлении Филадельфии, не превышая скорость. Но когда до места назначения было уже рукой подать, индикация на бортовых приборах потускнела, потом замигала. Голос навигатора, зазвучавший устало, твердил, что конечная точка поездки находится справа, с медлительностью пластинки на 45 оборотов, включенной на 33. А тут и мотор стих.

Агата выключила сцепление, покатила на «нейтралке» и так добралась до поворота на заправочную станцию. Та виднелась внизу спуска, за перекрестком. Она стала молиться своей счастливой звезде, напоминая, сколько лет та о ней не вспоминала, но на светофоре впереди, вопреки ее мольбам, зажегся красный свет. Что лучше: проскочить перекресток, зажмурившись, не сигналив – клаксон все равно онемел, или позорно застрять на обочине? Агата из осторожности выбрала второй вариант.

Заглохнуть совсем рядом с целью – насмешка судьбы или ее счастливый поворот? Агата привыкла к риску, и такая мелочь не могла сильно ее удручить.

Опять-таки из осторожности, на тот случай, если дальнейшие события станут развиваться не так, как ей требовалось, она пешком отправилась на поиск чего-нибудь, что позволит сдвинуть машину с места. По пути она ломала голову, на что похожа канистра электричества и каким образом заливать ее содержимое в бак.

Перед тем как уйти, она, не желая вызвать интерес у полицейского патруля, вытолкнула машину к самому тротуару.

Заправщик объяснил, что заправочная станция по самому своему определению способна торговать только жидким топливом и что электроавтомобили принято заправлять на дому. В городе имелось несколько пунктов зарядки батарей, но он не знал, где они находятся. Он предложил выручить ее, вызвав машину техпомощи. Агата закатила глаза и побрела обратно.

Перейдя через дорогу, она села за руль и стала ждать.

Стекло было не опустить, поэтому пришлось распахнуть дверцу, чтобы спросить у прохожего, который час. После этого ей осталось только считать секунды. В случае, если Макс ничего не напутал, то до осуществления первой части ее плана оставалось еще шестьсот секунд. Этот план она тщательно продумывала каждый день, засыпая, возвращалась к нему каждое утро, просыпаясь. И так целых пять лет.

4

Милли заперла на ключ свой ящик, попрощалась с миссис Берлингтон и покинула бюро. Она снова выбилась из привычного графика, но что поделать, проект расширения университетских помещений повлек за собой бумажную волокиту, которой не было конца. С начала месяца она трудилась не поднимая головы и уже дважды, подчиняясь начальству, была вынуждена отказываться от своего еженедельного киносеанса. Впереди был единственный момент расслабления – выезд на любимом «олдсмобиле» на автостраду, но он, как всегда, длился считанные минуты.

Пересекая лужайку кампуса, она пожалела, что не захватила зонтик – рождественский подарок миссис Берлингтон. Весна уже наступила, но небо было серое, и постоянно моросило.

Милли села в машину. Она подумывала преподнести Фрэнку сюрприз – заехать за ним на работу, но отказалась от этого намерения – ведь тогда пришлось бы завозить его туда завтра утром. Лучше, вернувшись домой, заказать ужин в их любимом китайском ресторане, доставлявшем еду на дом. Она поехала на заправку, остановилась у колонки, залила два галлона и отправилась в магазинчик за бутылочкой содовой.

Немного погодя она снова села за руль – и громко вскрикнула. В зеркале заднего вида на нее, широко улыбаясь, смотрела незнакомая женщина.

– Поезжай! – скомандовала Агата.

– Простите?

Оглянувшись, Милли обнаружила, что у ее непрошеной пассажирки в руке револьвер.

– Не лучший способ знакомства, – молвила та, – но что поделать? Делай, что я говорю, и все будет хорошо.

– Если вам нужна моя машина, то вам придется меня застрелить.

Агата рассмеялась:

– Машина у тебя – чудо, она навевает мне чудесные воспоминания. Ты удивишься, если я тебе скажу, что девчонкой часто сиживала как раз в таком «олдсмобиле». Тогда они были в моде. Поезжай, чего стоишь?

Милли могла бы попробовать ее разоружить или распахнуть дверцу и позвать на помощь, но незнакомка могла выстрелить быстрее.

– Куда ехать? – спросила Милли, стараясь взять себя в руки.

– На запад.

– Что вам от меня надо?

– Ничего личного. Моя машина сломалась, а мне позарез нужно кое-куда попасть.

– Угрожать мне – это лишнее, достаточно было бы просто вежливо попросить.

– Вот я и прошу очень вежливо: включи передачу и поезжай.

– На запад – это как-то неопределенно, – сказала Милли, поворачивая ключ зажигания.

– Ты права, зачем лишать себя удовольствия быть вежливой, когда есть такая возможность? Пожалуйста, отвези меня в Сан-Франциско.

– В Калифорнию?

– Разве есть города с этим названием в других штатах?

– Вы серьезно?

– У меня револьвер, суди сама.

– Но до Сан-Франциско не меньше трех тысяч миль, нам потребуется на дорогу...

– Меньше: две тысячи восемьсот восемьдесят миль, если по автострадам, но по автострадам мы не поедem: времени у меня вагон, да и быстрой езды я не люблю.

Милли покинула заправочную станцию и повернула на шоссе № 76, надеясь, что ей удастся вразумить пассажирку. Не будь у нее револьвера, она бы вызывала симпатию: от нее веяло задором и отвагой, а Милли такие качества ценила.

– Если ехать с утра до вечера, – заговорила она, – на дорогу уйдет четыре-пять дней. Чистое безумие!

– Иногда безумствовать совсем неплохо! Без этого наступает смертельная скука, уж поверь мне. Я склоняюсь к пяти дням. Ты слишком вымотаешься, если станешь гнать безостановочно, а меня тянет полюбоваться пейзажами.

– Я не могу так долго отсутствовать, меня с работы выгонят!

– Что, хорошая работа? – поинтересовалась Агата.

– В данный момент как раз запарка, но обычно ни шатко ни валко, меня устраивает.

Разговорить ее, думала Милли, подыграть ей, не злить, но и не слишком задабривать, чтобы ничего не заподозрила...

– Тебе примерно лет тридцать, да? – спросила ее Агата.

– Примерно, – подтвердила Милли.

– И тебя в твоём возрасте устраивает работать ни шатко ни валко?

– Какая-никакая, а работа, в наше время это уже немало.

– Понимаю, – сказала Агата, кивая головой. – Что ж, скажешь своему начальнику, что у тебя грипп. Больных не увольняют.

– Еще как увольняют! Заменяют здоровыми. Миссис Берлингтон на это не поведется, непременно потребует медицинскую справку.

– Я выдам тебе справку.

– Вы что, врач? – удивилась Милли.

– Нет, но твоей миссис Берлингтон не обязательно знать такие тонкости.

– Фрэнк будет беспокоиться, я не могу просто так взять и исчезнуть.

– Ты замужем?

– Еще нет. Но через час-два он заявится ко мне. Если я не буду подавать признаков жизни, он обратится в полицию.

– Ну, так не станем зря беспокоить Фрэнка. Он знаком с твоей миссис Берлингтон?

– Был знаком еще студентом, только это было давно.

– У тебя есть этот... карманный телефон?

– Мобильник?

– Он самый, мобильник! Позвони ему и скажи, что сегодня вы не сможете увидеться. Ты же говоришь, что на работе у тебя запарка? Вот и решила задержаться.

– А завтра что?

– Завтра видно будет.

Милли достала из кармана джинсов мобильный телефон и взмолилась, чтобы Фрэнк ответил на звонок. Дожидаясь, пока это произойдет, она соображала, какие подобрать слова, чтобы он догадался, что у нее проблемы.

Агата отняла у нее телефон и прикрыла его ладонью.

– Дорогой, мне придется задержаться на работе допоздна, спокойной ночи, птенчик, утенок, как еще вы там друг друга называете? Только это, ни слова больше, тебе понятно?

Милли бросила на нее негодующий взгляд и забрала телефон – как раз вовремя, чтобы услышать длинный сигнал автоответчика. Пришлось повторить с минимальными искажениями продиктованное Агатой сообщение.

– Молодец, что называешь его по имени, – похвалила ее Агата, конфискуя телефон. – Терпеть не могу уменьшительного сюсюканья! Помню, в свое время я бросила мужчину, имевшего неоспоримые достоинства, только за то, что он называл меня «мой пупсик». Я что, похожа на пупсика? Нет? Значит, до свидания!

– Докуда мы доедем сегодня вечером? – спросила растерянная Милли, чувствуя, что первая партия проиграна.

– Как можно дальше от Филадельфии. Остановимся, когда ты устанешь, – ответила Агата.

* * *

Том, вооруженный своим удостоверением, явился в центральное отделение полиции ровно в полдень. Из кабинета инспектора он позвонил своему другу-судье, и тот без промедления переправил ему по факсу список, о котором шла речь накануне.

Он внимательно изучил список и получил от коллеги разрешение поработать на его компьютере.

Из перечисленных в списке десяти человек в районе Филадельфии до сих пор проживал всего один. Том попросил машину без полицейских обозначений. Инспектор проводил его на стоянку.

– Вы недалеко? – осведомился он, отдавая Тому ключи.

– Думаю, да, – подтвердил Брэдли.

– Главное, не выезжайте за границу штата, это все, о чем я вас прошу.

Том пообещал. Когда детектив ушел, он открыл чемоданчик, достал сэндвич и дорожную карту, положил то и другое на пассажирское сиденье и поехал.

В бортовом радио непрерывно звучали вызовы центрального участка, обращенные к патрульным машинам. Тому надоел этот треск, он выключил радио и, впившись зубами в сэндвич, прибавил газу.

Через пять часов он был в Филадельфии. Он наметил побывать у некоего Роберта Графтона, человека пятидесяти с лишним лет с многочисленными приводами. В последний раз он попался на глаза полиции несколько месяцев назад: его задержали за потасовку в баре, на сутки отправили за решетку и освободили под залог в пять тысяч долларов, назначенный для возмещения причиненного им материального ущерба.

Последним известным местом жительства Графтона был обветшалый многоквартирный дом на окраине Филадельфии. Том поставил машину у тротуара и подошел к двум подпиравшим стену парням, без сомнения присматривавшим за пяточком, где с вечера до утра переходили из рук в руки наркотики и деньги.

Он достал двадцатку, разорвал ее вдоль, отдал им одну половину и пообещал отдать вторую при условии, если к его возвращению машина останется в своем нынешнем состоянии. После этого он вошел в подъезд. Револьвер он засунул за ремень сзади.

На лестнице воняло мочой, облупившиеся стены были разрисованы граффити, но на косо висящих почтовых ящиках еще можно было прочесть фамилии жильцов и номера квартир. Поднимаясь по ступенькам, Том гадал, каким образом обитатель такой трущобы умудрился раздобыть денег на залог.

Он добрался до последнего этажа и повернул в сумрачный коридор.

Дверь квартиры 5D была приоткрыта. Он толкнул ее ногой, на всякий случай потянувшись за револьвером. Графтон спал, растекшись в кресле, в грязной рубашке и дырявых джинсах. Совершенно опустившийся человек.

Том подошел и похлопал его по плечу, сунув под нос револьверное дуло. Графтон дернулся от неожиданности, заслонив руками лицо и умоляюще глядя на незнакомца. Его растерянный взгляд, обстановка в комнате – просиженное кресло, шаткий столик на одной ножке, матрас прямо на полу – все было пропитано безнадежностью, все свидетельствовало о том, что человек махнул на себя рукой.

– У меня к тебе два вопроса, – начал Том. – Правда, ответ на первый я вроде и так знаю. Ты не агрессивен, когда у тебя ломка?

Графтон отрицательно покачал головой. Том опустил револьвер.

– Второй вопрос и того проще. – Он достал из кармана фотографию Агаты. – Знаешь ее?

– Нет, никогда не видел.

За всю свою карьеру Брэдли ни разу пальцем не тронул ни лежащего, ни закованного в наручники. Насилие в его арсенале отсутствовало, а его нынешний собеседник, хотя и был без наручников, определенно был не способен оказать сопротивление.

Он помог ему сесть в кресле прямо и протянул очки: они лежали на столике рядом с пустой бутылкой из-под пива. Оправа очков, судя по слою клейкой ленты, давно дышала на ладан.

– Посмотри внимательно, – попросил Том, – и ответь еще раз.

– Да, – выдал Графтон, поправляя очки на носу, – я ее узнаю. Но это такая давняя история! Насколько я знаю, она мотает огромный срок.

– Ты не навещал ее в заключении?

– Мы не были друзьями, просто иногда встречались на собраниях, не более того. В других ситуациях я ее не видел.

– Здесь поблизости не живут ваши общие друзья?

– Я с этой публикой порвал, как и с миром вообще. Может быть, теперь вы оставите меня в покое?

Ответы Графтона звучали искренне. Подойдя к окну, Том удивился, что его машину по-прежнему сторожат двое парней и что она все еще стоит на четырех колесах. Только это и могло его сейчас утешить: он поставил не на ту лошадь и зря потерял драгоценное время.

Уже уходя, он оглянулся на Графтона:

– Между прочим, кто внес за тебя залог?

– Мой двоюродный брат. Это уже не первый раз – он клянется, что последний. Но такую клятву он тоже дает не в первый раз.

– Чем же занимается твой двоюродный брат? Откуда у него средства на такое великодушие?

– Это его дело. Вы наконец уберетесь?

Том поблагодарил Графтона и был таков.

На улице он расплатился со сторожами и сел за руль.

Достав из сумки личное дело Графтона, он еще раз подробно с ним ознакомился. У него вдруг появилась надежда, что он, возможно, не напрасно приехал в Филадельфию.

* * *

– Почему Сан-Франциско? – осведомилась Милли.

– Тамошние друзья ждут меня к ужину, – сказала Агата.

– Какое терпение! Вы могли бы воспользоваться самолетом, чтобы не заставлять их столько ждать.

Агата показала свой револьвер.

– Сдается мне, в наши дни на борт вряд ли пустят с пушкой.

С ними поравнялась машина дорожного патруля. Полицейский смотрел на них пристально и осуждающе. Агата, глянув на спидометр, немедленно велела Милли сбавить ход и широко улыбнулась полицейскому. Тот удовлетворенно кивнул и прибавил газу.

– У меня подозрение, что с той минуты, как я позволила себе разместиться в твоей машине, ты только о том и думаешь, как бы меня высадить. Не стану тебя осуждать, на твоём месте я вела бы себя так же. А еще ты не можешь не задаваться вопросом, хватит ли у меня духу всадить в тебя пулю. Честно говоря, я сама понятия не имею, хватит ли. Зато ничуть не сомневаюсь, что без малейшего колебания продырявлю эту кокетливую приборную доску, не

говоря уж о дверцах и потолке. Ты представляешь, каких бед может натворить такая пушка в автомобиле? Если нет, то послушай меня: дыры будут такие здоровенные, что тебе уже не придется поднимать верх, чтобы ветер растрепал тебе волосы. Попробуй потом найди элементы внутренней отделки для «олдсмобилей»! Вряд ли они еще есть в продаже. А если заменить их ненастоящими, то твоя тачка лишится своего шарма. Так что будь умницей, не дури. Пойми, тебя ждет очаровательная поездка, а через пять дней ты вернешься к своему Фрэнку, своей миссис Берлингот и своим бесценным привычкам. Кстати, о деньгах не тревожься: за бензин буду платить я. Ну как, договорились?

Милли распустила волосы и взглянула на Агату:

– Ладно, даю вам пять дней. Но только, чур, одно условие!

– Сдается мне, ты не в том положении, чтобы ставить мне условия. Выкладывай, поглядим, что ты придумала.

– Вы расскажете мне всю правду о том, что вас гонит в Сан-Франциско, что заставляет угрожать мне револьвером. Понимаете, если вы намерены кого-то усовестить, то в ваших интересах убедить меня, что ваша жертва – худший на свете негодяй, иначе я откажусь доставить вас к нему.

Агата озадаченно уставилась на нее:

– Похоже, мы с тобой найдем общий язык! – И она громко расхохоталась.

* * *

Том медленно ехал по жилым кварталам, среди цветущих вишневых деревьев и пышных садов, в глубине которых красовались двух-трехэтажные дома.

Свернув на Мервуд-Лейн, он потушил фары и подфарники и стал ждать.

Вечерняя темнота навела его на мысль об его приятелях-волках. Воспользуются ли они его отсутствием, чтобы наведаться к его хижине?

– Пять лет! – ворчал он про себя. – Могла бы потерпеть. Почему именно теперь? Что заставило тебя сбегать?

В одном из окон, за которыми он наблюдал, подняли штору, и он испугался: ему показалось, что за окном мелькнула знакомая тень. Он бросился за ней не раздумывая, подгоняемый долгом, но готов ли он посмотреть ей в лицо, услышать ее голос? Что он сделает, если она прячется здесь?

Ближе к десяти часам вечера приоткрылась одна из двух створок гаражных ворот под домом. Появился мужчина с большим пластиковым пакетом мусора. Дождавшись, пока он выбросит мусор в бак в глубине сада, Том приблизился к нему со спины. Мужчина почувствовал его присутствие и обернулся.

– Чем я могу вам помочь? – спросил он.

– Помощь мне действительно не помешает, – ответил Том, показывая свой жетон. – У меня к вам два вопроса.

– Поздновато даже для одного, вы не находите?

– Если хотите, я могу вернуться завтра, но уже с ордером.

– Какой еще ордер?

– На обыск вашего жилища и рабочего места, на проверку ваших банковских счетов.

– На каком основании вам выдадут такой ордер, хотелось бы мне знать?

– На основании подозрения в оказании содействия побегу федерального заключенного, мистер Пайзер, или мне лучше называть вас Рейнером – ведь такой была ваша фамилия до того, как вы ее сменили? Я – федеральный маршал, вы – адвокат. Вам ли не знать, как к нам расположены судьи!

– Я не специалист по уголовному праву и не понимаю, на что вы намекаете.

Том достал фотографию Агаты. Макс уставился на нее, сохраняя полную невозмутимость.

– Она совершила побег?

– Надеюсь, выступая в суде, вы говорите убедительнее.

– Как видите, я вполне состоялся в профессиональном плане, – парировал Макс.

– Вот именно: вы наслаждаетесь жизнью, рядом с вами красивая женщина. Не идиотизм ли угодить за решетку за сознательное введение в заблуждение федерального агента?

Макс удостоил Тома взглядом, не оставлявшим сомнений в том, что он о нем думает.

– Возвращайтесь завтра с ордером. Мне скрывать нечего, вы меня не запугаете.

Сказав это, он зашагал прочь.

– Сколько раз вы навещали ее в тюрьме? – окликнул его Том.

Макс остановился и обернулся.

– Хорошо подумайте, прежде чем ответить, завтра у меня будет список всех посещений за время ее заключения.

– Меня вы в нем не обнаружите. Я поменял не только фамилию, но и саму жизнь. Прежняя осталась в прошлом.

– Видеозапись в комнате посещений может доказать противоположное, – возразил Том. – Мне известно ваше совместное прошлое, не принуждайте меня копать глубже. В отношении вас не действует срок давности.

– Почему-то мне кажется знакомым ваше лицо... – пробормотал Макс, делая шаг в сторону Тома.

– Это потому, что я – типичный человек из толпы. В этом драма всей моей жизни: многие воображают, что со мной знакомы, хотя я не знаком ни с кем.

– Хотите услышать правду? – спросил Макс. – Вот она: я понятия не имел о ее побеге! Выражение моего лица при известии об этом должно было скрыть мою радость. Давно не получал такой прекрасной новости! Но даже если бы я что-то о ней знал, все равно ничего вам не сказал бы. Да, я ее навещал – и что это доказывает? От всей души надеюсь, что она от вас улизнет. Вам хотелось откровенности – вот вы ее и получили, а теперь убирайтесь с моей лужайки, езжайте куда глаза глядят. Я иду спать, меня действительно ждет жена. Спокойной ночи, офицер.

И Макс опять скрылся за гаражными воротами.

Том вернулся в свою машину. Он был сильно озадачен. Он получил ответ на один из тревоживших его вопросов, но не знал пока, как к этому относиться.

Он поужинал в придорожном ресторане, потом целый час, сидя в машине, изучал в компьютере данные на Макса в федеральных файлах. Не раскопав ничего убедительного, он откинул спинку кресла и заставил себя задремать.

Часа в два ночи, разбуженный грохотом пронесшегося мимо грузовика, он широко открыл глаза. Одна подробность, до сих пор ускользавшая от его понимания, вдруг перестала его озадачивать.

Он тронулся с места с намерением скоротать эту ночь на Мервуд-Лейн.

* * *

Они наматывали мили, почти не разговаривая: каждая была как будто погружена в собственные мысли. Агата довольствовалась тем, что время от времени указывала водительнице маршрут.

– Я проголодалась, – объявила Милли. – И не я одна.

Агата посмотрела на датчик топлива.

– Там еще кое-что осталось.

– Этой стрелке нельзя полностью доверять. И потом, при опустевшем баке пары бензина вредно воздействуют на металл. Во избежание этого я ежедневно доливаю бак, чтобы был полон.

– Никогда не слышала, чтобы людей твоего возраста беспокоило состояние железяки. Ладно, остановишься на первой же заправочной станции.

Но первую заправку Милли проскочила, удивив Агату. Остановилась она только через десять миль, на станции «7-Eleven».

Милли заливала бензин, Агата, захватив с собой ключи зажигания, отправилась в кассу супермаркета и вернулась с большим бумажным пакетом. Милли ждала ее за рулем.

– Это вы напрасно.

– Разве ты не говорила, что голодна?

– Лучше объясните, зачем конфисковали ключи? – Милли помахала запасной связкой. – Я обещала вас отвезти и сдержу слово. Вы тоже меня не подводите.

– Я тебе ничего не обещала. И потом, это слишком длинная история.

– У нас впереди несколько дней. Какой интерес обсуждать погоду? Насколько я понимаю, вы придерживаетесь определенного маршрута?

– Я не лгала, говоря о своих друзьях. Правда, не все они живут в Сан-Франциско, да я и не уверена, что они по-прежнему мои друзья, но все равно хочу нанести им визит.

– С револьвером? – спросила Милли.

Агата взяла револьвер за дуло и засунула его в бардачок.

– Как видишь, я тебе доверяю. По крайней мере, стараюсь.

– Почему вы не арендовали автомобиль?

– Дело в том, что я давно не меняла водительские права. Ты задаешь слишком много вопросов. Езжай себе! Предлагаю найти более приятное местечко, чтобы съесть наши сэндвичи. Надеюсь, ты не возражаешь против мяса индейки?

Пригороды уступили место сельским пейзажам с редкими поселками. «Олдсмобиль» взобрался на холм. На его вершине Милли свернула на проселок и остановилась у переезда через заброшенную железнодорожную ветку. Заглушив мотор, она вылезла из машины и побрела вдоль рельсов. Впереди был старый мост, возвышавшийся над равниной.

Агата догнала ее со своим пакетом. Милли уселась на землю там, где раньше было ограждение, и, болтая ногами в пустоте, взяла предложенный Агатой сэндвич и с аппетитом вонзила в него зубы.

– Завтра мне придется позвонить Фрэнку и миссис Берлингтон и извиниться, – сказала она с набитым ртом.

– Что ты собираешься им сказать? – поинтересовалась Агата.

– Еще не знаю. Что мне пришлось поехать домой.

– А ты сама откуда?

– Из Санта-Фе, Нью-Мексико.

– Они спросят, что ты там забыла.

– Фрэнк – вряд ли. У него нет привычки задавать вопросы.

– Это почему? Он что, не интересуется тобой?

– Очень даже интересуется! – возмутилась Милли. – Я сама виновата: не очень люблю болтать, особенно про себя. И потом, он мне доверяет. Ну, немножко поволнует, попросит меня ехать осторожно и поскорее возвращаться.

– А миссис Берлингтон?

– Миссис Берлингтон! – поправила Милли, грассируя «р». – Ей я объясню, что возникло срочное дело в связи с кончиной матери. Она умерла пять лет назад, но миссис Берлингтон не в курсе.

– Мои соболезнования, – сказала Агата.

– Я очень по ней горюю, – продолжила Милли со вздохом. – Мама была немного без царя в голове, жилось нам несладко, зато мы никогда не скучали. Она не знала, что такое уныние.

– Молодчина! – одобрила Агата.

– А у вас дети есть? – спросила ее Милли.

– Нет, времени не хватило.

– Вы были настолько заняты?

– Можно сказать и так. А ты хочешь детей?

– В данный момент я хочу съесть этот сэндвич, наслаждаясь видом.

– Уже темно, – возразила Агата, – мало что разглядишь.

– Почему же, вон там, вдали, огни какого-то городка, а прямо под нами русло реки. Скоро по ней пройдет паводок из-за таяния снега в горах. Обожаю заброшенные железнодорожные ветки! – Она ласково погладила ржавый рельс, на котором сидела. – Если честно, я вообще люблю все старинное – сама не знаю почему.

– Я догадалась, достаточно твоего автомобиля.

– У старых вещей своя история, – со вздохом сказала Милли.

– Надеюсь, ты не меня имеешь в виду?

– Что вы, вы совсем не старая, моя мама была примерно одного с вами возраста.

– Можешь меня не щадить, это не обязательно, – сухо произнесла Агата.

Милли удивилась:

– Это вы напрасно, я говорю искреннее. Что ж, помолчим, раз вам неохота разговаривать.

Они надолго замолчали, сидя рядышком и глядя в темную даль.

– Я не хотела быть с тобой грубой, – нарушила молчание Агата, бросая вниз обертку от своего сэндвича.

– Как насчет заботы о природе? – спросила Милли.

– У меня бывают такие приступы, но сегодня вечером мне не до природы. Уже поздно, пора искать ночлег.

– В долине мы наверняка найдем, где переночевать.

– Нет уж, сегодня спальней нам послужит твой чудесный автомобиль. Мне осточертела езда, к тому же я люблю природу больше, чем ты воображаешь, и ночь под звездами – предел моих мечтаний.

Агата встала и пошла назад к машине. Милли еще посидела одна, глядя в пустоту под собой. Она бросила вниз камешек и стала считать секунды, пока не раздался звук падения.

Когда она вернулась к машине, Агата сидела, прижавшись затылком к стеклу, и как будто спала. Милли потянулась к дверце бардачка.

– Не вздумай! – пробормотала Агата, не открывая глаз.

Но Милли не послушалась.

– Что ты ищешь?

– Сигареты Джо, он всегда оставляет здесь свою пачку.

– Кто такой Джо?

– Это тоже долгая история, – ответила Милли.

Она завела мотор и нажала кнопку. Верх машины со скрипом откинулся.

– Вы хотели спать под звездами. Получайте, звездное небо в полном вашем распоряжении, – проговорила она, зажигая сигарету.

Агата опустила спинку кресла, заложила руки за голову и залюбовалась открывшимся ее взору зрелищем.

- Ты не представляешь, сколько ночей я провела в мечтах именно об этом.
- Сколько?
- Две тысячи девятьсот пятьдесят три.

Милли, обожавшая цифры и вычисления, подумала секунду-другую и задала логичный вопрос:

- Где вы провели все это время?
- Завтра поговорим, а сейчас помолчи, дай полюбоваться небом.

5

Том проснулся на рассвете. Он мечтал о кофе и, поглядывая на часы, надеялся, что долго ждать не придется.

Около восьми часов к дому на Мервуд-Лейн подъехало такси. Хелен вышла из дому и села в машину.

Немного погодя открылись ворота гаража. Глядя на удаляющегося в седане Макса, Том не удержался от улыбки. Он хвалил себя за наблюдательность, снова оказавшуюся на высоте.

Накануне, провожая взглядом спину Макса, он заметил, что одно из двух гаражных мест пустует. В жилом пригороде, где нет ни автобусных маршрутов, ни магазинов, без автомобиля никак не обойтись. Конечно, Хелен могла отдать свою машину в ремонт, но Том не верил в совпадения.

Ему ничего не стоило проверить свою догадку по базе регистрационных номеров. Так и есть: за Максом Пайзером числилось два автомобиля.

Том мог бы связаться с диспетчерской полиции по бортовой радиостанции, но, соблюдая принятые правила, он первым делом обратился к инспектору с просьбой дать ориентировку на поиск. Он уточнил, что черный «шевроле» ни в коем случае нельзя останавливать, тем более обыскивать.

Закончив переговоры, он стал ждать, пока ориентировку передадут по радио.

* * *

Не прошло и двух часов, как патруль обнаружил черный «шевроле» на тротуаре рядом с шоссе № 76. Том тут же помчался туда.

Обыск автомобиля ничего не добавил к тому, что он уже и так знал. Ему не нужно было терять время и прибегать к помощи полицейских криминалистов, чтобы сделать вывод, что раньше за рулем брошенной машины сидела Агата. Он попросту чуял ее присутствие, как если бы в водительском кресле сидел ее призрак.

Рассказав Макс, что его «шевроле» обнаружен и что в данный момент в нем снимают отпечатки пальцев, от него можно было, наверное, добиться большего красноречия, но Том был не вполне в этом уверен. У него возникло неприятное ощущение, что он вертится на одном месте. Собственно, именно этим он и занимался, не переставая озираясь.

Зачем она сюда прикатила? Вокруг не было ничего достойного внимания, кроме станции обслуживания и немногочисленных магазинчиков и заведений обслуживания. Он не пренебрег ни одним, всюду демонстрируя фотографию Агаты, но раз за разом наталкивался на категорический отказ узнавать женщину на фотографии. Нигде – ни в парикмахерской, ни в бакалее, ни в химчистке, ни в лавке скупки старья – ее не смогли вспомнить. Заправщик на колонке тоже развел руками.

Том силился понять, почему Агата рассталась со своим единственным средством передвижения, да еще там, где нет никакого общественного транспорта. Для очистки совести он позвонил в компанию радиофицированных таксомоторов, обслуживавшую эти места, и услышал то, что ждал услышать: по этому адресу, как и поблизости, машины в последнее время пассажиров не брали. Он отправился в кафетерий станции обслуживания, чтобы выпить наконец кофе и съесть хотя бы коржик. Расплачиваясь, он обратил внимание на три видеомонитора у кассы. Один показывал зону вокруг самой кассы, второй – входную дверь, третий – всю станцию, в том числе «шевроле» на тротуаре.

– Ваши камеры ведут запись? – спросил Том кассира, показав ему свой жетон.

– Да, в конце каждой смены мы меняем пленку. Проходят сутки, и пленка используется опять. После трех вооруженных ограблений в прошлом году страховая компания потребовала установить систему наблюдения.

– Мне необходимо посмотреть ваши кассеты, – сказал Том.

Кассир отпер ключом тесную каморку.

– Мы держим записи под замком, чтобы налетчики, убегая, не могли захватить их с собой, – сказал он, гордясь столь хитроумной системой безопасности.

Он усадил Тома на табурет перед мониторами и отдал ему кассеты с пленкой. Том начал с просмотра на повышенной скорости записей наружной камеры, следя за временем, бегущим внизу экрана.

Сердце у него забилося сильнее, когда на экране появилась черная машина. На тротуар выбрался неясный силуэт. Ритм сердцебиения дополнительно ускорился, когда этот силуэт, приближаясь к станции обслуживания, стал приобретать отчетливость. Потом его скрыл от объектива навес.

– Помните эту женщину? – обратился Том к кассиру.

– Что-то я не разгляжу... Четкости недостает. Но у вас в полиции современное оборудование, вы сумеете увеличить четкость.

Том отыскал кадры получше, и кассир передумал.

– Кажется, начинаю припоминать! Это она попросила меня о помощи, когда я обслуживал клиента. У нее машина заглохла, и она что-то несла о канистре электричества. Я сначала подумал, что она издевается, но оказалось, что она это серьезно. С кем только не приходится сталкиваться! Некоторые как с луны свалились!

– Вы не так уж далеки от истины. Что же она сделала потом?

– Понятия не имею, – ответил кассир станции обслуживания. – Я посоветовал ей вызвать машину техсервиса, она отказалась и ушла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.